

Борис Михайлов

Конформист

Записки провинциального журналиста
о времени, профессии и о себе

Борис Михайлов

**Конформист. Записки
провинциального журналиста
о времени, профессии и о себе**

«Издательские решения»

Михайлов Б.

Конформист. Записки провинциального журналиста о времени, профессии и о себе / Б. Михайлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852509-4

Автор около десяти лет проработал в газетах Сибири и Поволжья, 26 лет на Куйбышевском областном телевидении. На пенсии недолго — в христианском книжном издательстве. «Записки» охватывают период с начала сороковых годов XX века и первые полтора с лишним десятка лет в XXI. Не очень далекое прошлое в воспоминаниях свидетеля времени должно показаться интересным историкам и журналистам, а личные страницы — любителям мемуарного жанра.

ISBN 978-5-44-852509-4

© Михайлов Б.
© Издательские решения

Содержание

Детство	7
Годы войны	11
Знакомство с деревенской жизнью	13
Первые послевоенные годы	18
Песни моего времени	20
Дворовые развлечения	24
Денежная реформа 1947 года	29
Было время и цены снижали...	32
Трофейные фильмы	33
Школьные годы	35
Встреча с профессией фотографа	37
Мингечаур	41
Свидание с городом юности	47
Бакинство	48
Переезды родителей и моя учёба	50
Далеко от Баку и друзей	52
Армейская служба	54
Послеармейская жизнь	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Конформист

Записки провинциального журналиста о времени, профессии и о себе

Борис Михайлов

© Борис Михайлов, 2017

ISBN 978-5-4485-2509-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Борис Михайлов – репортер, редактор, сценарист, режиссер. Член Союза Журналистов РФ. Автор книги об истории одной из протестантских конфессий – методистской церкви, издана в Москве и США. Написал несколько женских любовных романов и пьес.

Журналистике и литературе я посвятил всю жизнь. Около десяти лет проработал в городских и областных газетах Сибири и Поволжья, двадцать шесть лет на Куйбышевском областном телевидении репортером, редактором, сценаристом и режиссером. На пенсии недолго поработал в христианском книжном издательстве.

В сознательном возрасте посчастливилось стать свидетелем, а часто и участником событий истории с начала сороковых годов XX века, и первые полтора с лишним десятка лет, в XXI. Причисляю себя к «шестидесятникам», на 60-е годы пришелся пик творческой активности, работа в прессе, участие в общественной жизни.

При мне рухнул советский строй, продержавшийся 70 лет. Развалили его не прозревший народ, понявший, дальше так жить нельзя, не революционеры – подпольщики и диссиденты, а сами властители страны, руководители КПСС. Через несколько лет, выброшенные революционной перестройкой из своих кресел, те же руководители (ГКЧП), предприняли попытку вернуться к старому, но народ, и новые властители, вкусившие свободы, не позволили.

Воспоминания не претендуют на научно-историческое повествование. Они лишь субъективные свидетельства очевидца событий и времени.

В памяти сохранилось разное, общественное и личное. Часто не в хронологическом порядке, порой не привязанное к определенной дате.

Надеюсь, не очень далекое прошлое страны, не из пыльных архивов, а в воспоминаниях свидетеля времени, окажутся интересными историкам и журналистам, а личные страницы – любителям мемуарного жанра, и, конечно, внукам и правнукам.

Детство

Родился и вырос я в сталинское время, и начну с человека, именем которого стала целая эпоха. С имени Сталина.

Моё знакомство с ним состоялось в первом классе, на второй или третий месяц учебы, в 1943 – м году. Первые палочки и крючочки, с хвостиками или без, выводили мы тогда деревянными перьевыми ручками с пером №86 в тетрадках в косую линию. Тетради такие, впрочем, как и в линейку, или клетку, в те времена были в дефиците. А в косую линию нельзя было купить даже на Кубинке, главной толкучке Азербайджана. Мама покупала там тетради в линию, а затем с помощью рейсшины или двух треугольников, наносила косые линии карандашом.

Спустя десятилетия, не могу вспомнить, как в школе родилась идея от имени класса написать письмо Сталину, поблагодарить за наше счастливое детство, пожелать скорейшей победы на войне, и обратиться с просьбой, прислать тетрадей в косую линию и перьев №86, только которыми разрешалось писать. У Нины Николаевны – моей первой учительницы, или завуча школы, а может у инспектора РОНО? Писали такие письма в других классах? Не знаю, спросить не у кого.

Трудно поверить, в разгар войны, когда еще продолжалась историческая битва на Курской дуге, «дедушка Сталин» нашел время прочитать письмо первоклашек и ответить на него. Прислал посылку с тетрадами, ручками, новыми Букварями и конфетами.

Каждому в классе, помню, досталось по одной конфете «Мишка косолапый» с репродукцией Шишкинских медведей на фантике, который я берег полгода, пока не поменял во дворе на саккиз (жвачку из серы). Кроме «Мишки косолапого» каждому вручили «сталинский подарок» – еще по три сливочных ириски, несколько тетрадей, красную деревянную ручку, коробочку перьев №86 и нескольких перьев – «лягушек», писать которыми не разрешалось, но рисовать танки и самолеты было удобно. Всем классом потом сочинили мы текст благодарности великому другу детей и послали в Москву, в Кремль.

С высоты лет, понимаю, письмо наше вряд ли передали вождю, да оно дальше РОНО или райкома партии и не пошло бы! Восхищаюсь работой идеологов и пропагандистов того времени. В трудные годы всеобщего дефицита сумели преподать отличный урок заботы вождя о детях, родителям и самим детям! Могут ли дети забыть эту посылку!

Через десять лет, мартовским холодным утром мы, десятиклассники Мингечаурской средней школы №3, стояли на школьной линейке, слушали трагическую информацию Директора о смерти нашего любимого вождя, и вместе с учителями, не стесняясь слез, плакали. Слезы были искренними.

Смерть Сталина потрясла жизнь в городе. Несколько дней не было занятий в школе. По радио целыми днями звучали траурные марши, в очередях обсуждали «Как же теперь жить без Сталина? Не дай Бог, война, за кого пойдём умирать – за Маленкова?». Верующие старушки крестились: «Отец родной, на кого ты нас покинул?» В день похорон по всей стране проснулись заводские гудки, завывали пожарные и милицейские сирены. В городе Мингечауре, где я недолго был вынужден жить и учиться, остановились и загудели десятки паровозов, перевозящих составы с гравием на плотину строящейся ГЭС, завывали сирены у военных и в лагерях узников ГУЛАГа.

К концу марта пятьдесят третьего, радио сократило трансляции траурной музыки, а в апреле её полностью перестали передавать. Жизнь не остановилась, мы продолжали ходить в школу, учителя пугали приближающимися экзаменами и тройками в Аттестате. Сталина вспоминали все реже.

Я перенёсся далеко вперед, вернемся к школе, где я продолжал учиться в первом классе бакинской школы №42 на Четвертой Нагорной улице в Арменикенде. Одноклассников набра-

лось 32 – 35 учеников, русские, евреи, несколько азербайджанцев и больше всех – армян. Жили мы в армянском районе Баку, где испокон века селились армяне. Никто из одноклассников, их родителей не интересовался нацией соседа по парте. Число учеников врезалось в память, потому что в порядке очередности, свою учительницу Нину Николаевну в нашем доме должны были кормить обедом. Ожидая своего дня, мама переживала и считала дни: двадцать два, двадцать один, двадцать дней, сколько еще оставалось до нашей очереди. Приходилось ведь отрываться от своих скудных запасов пищи. Для учительницы готовилась не скромная еда, которой мы, я с братом, мамой и бабушкой питались, а приготовить что-то лучшее. Не супчик из шпината и жидкое картофельное пюре, изредка с рыбкой – камсой, нашей основной пищей. Мама за неделю начинала экономить американский маргарин, хлопковое масло для жарки картофеля и рыбы, сахар или конфеты – подушечки, чем отоварили в последний раз карточки, даже покупала кусочек мяса. Старалась, накормить учительницу не хуже, чем в других семьях одноклассников.

Учительнице – армянке, было лет тридцать – тридцать пять, а может и меньше, мне она казалась пожилой женщиной. Муж Нины Николаевны погиб в 42-м под Москвой, и кроме старой матери у неё никого не было. Обед вне дома в те голодные годы помогал ей выживать, больше продуктов, получаемых по карточкам, оставлять матери. Кто завел порядок, родителям учеников раз в месяц кормить учительницу обедом, не знаю. Так было принято в бакинской школе номер сорок два, возможно и в других школах.

Самое раннее, что сохранила память, в трехлетнем возрасте посещение кинотеатра во Дворце культуры в Сураханах. Это был дворец, из тех, про которые мне читали или рассказывали сказки. Первое, огромное многоэтажное каменное здание, с колоннами, которое увидел. Много позже, пересаживаясь в Сураханах из электрички на поезд – кукушку на пляж в Бузовны с родителями, я всегда останавливал взгляд на этом здании, напротив остановки.

В тот день в кинозале Дворца показывали «Веселых ребят». Я спокойно рассматривал движущие картинки на экране, не понимая, смеялся вместе с родителями, пока в квартиру экзальтированной дамы, вслед за Утесовым, не вторглось стадо животных. Когда показали крупно быка со шляпой, проткнутой его рогом, я испугался, задрожал и заревел на весь зал от страха. Папе пришлось унести меня в фойе. Вышла мама, и вдвоем, принялись успокаивать меня, уговаривать вернуться в зал досмотреть картину. Я продолжал реветь, и мы так и не увидели тогда фильма.

Я рано научился говорить, был очень любознателен, быстро и надолго запоминал разные слова и выражения, которые употребляли взрослые. Однажды на перроне мы ждали электричку в город, и вдруг по встречному пути показался паровоз с грузовыми платформами. Паровоза раньше я не видел и был удивлен его видом, размерами и густым черным дымом из трубы. Его неожиданное появление на рельсах электрички, мама прокомментировала, как «Чудеса в решете». С тех пор, как услышу это выражение, на память приходит огромный паровоз с черным дымом. Взрослым узнал, вагоны электрички, которые привык тогда видеть на этих путях, были первыми в СССР. Электрификация железных дорог в стране началась с Азербайджана, богатого энергоресурсами. В 1926 году электрифицировали участок, связывающий Баку с пригородами. Первые электрички в Москве пошли только в 1930 году на участке Москва – Мытищи, а в Ленинграде лишь в 1933 году.

Теперь, почему в кино мы оказались в Сураханах, а не в близких к дому, кинотеатре «Вышка» или в «Художественном», на худой конец, в «Баккоммуне». Сураханы были ближе к нашему тогдашнему жилью, которое некоторое время мы снимали в селении Амираджаны, пригороде Баку на Апшероне.

Разругавшись с маминой сестрой, родители вынуждены были уехать из её квартиры в самом престижном, зеленом районе Баку, на проспекте Ленина, в Арменикенде. Первом современном городском микрорайоне со всеми бытовыми удобствами, построенном в 1924 —

1930 годах, после установления в Азербайджане советской власти. Правда, определения микрорайон, в те времена еще не существовало. Дома именовались номерами и кварталами. Например, квартал 648, где находился мой детский сад, квартал 225 с популярным до нынешних времен гастрономом номер двадцать пять, седьмым почтовым отделением связи, и детской поликлиникой во дворе, и наш, двести двадцать третий квартал, ограниченный Первой Нагорной улицей и Верхне – Бульварной. Престижнее нашего был лишь район на берегу моря, дома там стояли с дореволюционных времен. Проспект Сталина, ныне – Нефтяников.

Квартира принадлежала сестре моей мамы – тете Симе. Получил квартиру один из её мужей, как тогда говорили, ответственный работник Совнаркома – Совета Народных комиссаров, товарищ Стешенко. Характер у маминой сестры был далеко не ангельский, и муж сбежал, оставив ей квартиру. Сима осталась одна в большой трехкомнатной квартире. Работая в Управлении Гидрометеослужбы республики, напрямую подчиненному СНК, вскоре узнала, что в совнаркоме на квартиру имеют виды, а её собираются переселить. Чтобы не потерять квартиру, Сима срочно пригласила переехать к ней из Крыма своих маму – Ксению Васильевну и отца – Василия Васильевича, сестру Людмилу – будущую мою маму.

Василию Васильевичу – агроному, специалисту по виноградарству, вскоре предложили должность главного агронома в винодельческом совхозе под Шемахой, и они с Ксенией Васильевной поехали в совхоз, оставшись прописанными в Баку. Сестра поступила в Политехнический институт, где встретила моего отца – Бориса Сергеевича Михайлова и вышла за него замуж. На последнем курсе, институт реформировали и гидротехнический факультет, где учились родители, выделили из Политехнического, и присоединили к вновь созданному Сельхозинституту, перевели из Баку в Кировабад. Там они и получили дипломы.

Тем временем, в Шемахе, местная красавица – хохлушка, охмурила деда Василия Васильевича. Он влюбился в молоденькую, и ушел к ней. Бабушка вынуждено вернулась в Баку.

Когда в Кировабаде родился я, Сима позвала сестру к себе, в эти же дни в город вернулась из Шемахи её мама. Вместе они приехали в Кировабад, и, невзирая на протесты отца, увезли меня с мамой в Баку. Так, в возрасте двух месяцев я оказался в Баку, потому и считаю этот город своим родным.

После окончания родителями института, мама с папой вернулись в Баку и переехали в квартиру его родителей, на улицу Красную, в двух шагах от Баксовета. Я к тому времени немного подрос. Долго пожить в самом центре города нам не удалось, сталинско – ежовские чистки докатились до Баку. Сергея Михайловича Михайлова, отца моего папы, объявили врагом народа и арестовали. Повод нашелся в антисоветских настроениях. Он из дворянской семьи, до революции преподавал, был директором гимназии.

Сима с Ксенией Васильевной испугались за маму, ожидая, что теперь и остальных членов семьи Михайловых посадят. Начнут с жены Сергея Михайловича, ведь Ванда Эдуардовна Михайлова, в девичестве Розенберг, родом из прибалтийских немецких баронов и родилась в Ревеле (ныне Таллинн). Её земляк – однофамилец, позже повешенный по приговору Нюрнбергского суда, Альфред Розенберг, известный гитлеровский идеолог фашизма. После родителей займутся и детьми.

Бабушка и тетя Сима заставили маму сменить фамилию Михайлова на свою девичью – Власову, и вернуться с мужем к ним, в Арменикенд, благо выписаться еще не успели. Папа уже работал в «Каспморпроекте», и по совету друзей тети Симы, попросился в командировку на реконструкцию причалов Красноводского порта, на время уехал из Баку. Как и предполагали Сима с Ксенией Васильевной, маму его арестовали. Ошиблись только в очередности. После Сергея Михайловича посадили их старшего сына Константина, брата моего папы, геолога управления «Азнефть», а уж потом Ванду Эдуардовну. Ей, как мужу и сыну вменили 58 статью – антисоветизм, и дали 10 лет лагерей без права переписки.

Характер у маминой сестры, Серафимы Васильевны – Симы, был вздорный, я уже писал, и, еще до войны, они повздорили, и Сима выгнала моих родителей. Мама, правда, рассказывала, что они сами решили уйти от Симы, и снять квартиру. В городе приемлемого жилья не нашли и сняли две комнаты в старинном двухэтажном доме в дачном пригороде Баку – Амираджанах, куда добирались на электричке. Комнаты были огромными, я гонял по ним на велосипеде.

Очень хорошо помню, как встречали там новый год в ночь с 1940 на 1941 год. Мне позволили не ложиться до полуночи, хотя ни телевизора, ни музыкальных центров в те времена не существовало. Имелся лишь круглый черный бумажный репродуктор. Он известил, когда пришел Новый год в Баку, а через час, под бой кремлевских курантов отметили новый год по-московски. Сколько себя помню, бакинцы всегда встречают новый год дважды. Стояла ёлка, украшенная множеством зеркальных шаров и разных игрушек. За несколько минут до полуночи, на ёлке зажгли свечи. Длинный и так стол, раздвинули, чтобы поместились все гости. Накрывали стол разной вкуснятиной папа и гости. Бутылки с вином, шампанское, оранжевые мандарины, розовые куски осетрины, салаты, маринады, пельмени. Мама, на последних днях беременности, больше лежала или сидела, медленно двигалась по комнате, но за праздничным столом сидела вместе со всеми, поднимала рюмку за новый год. Лица радостные, веселые, полны энтузиазма и уверенности в будущем, поднимали тосты за счастье в новом году. Не ждали страшных испытаний, которые принесет всем новый год.

26 января мама родила брата Олега. В памяти запечатлелось, как мы с папой встречали её на машине «Эмке» из родильного дома, как позже мама эмоционально рассказывала о своих соседках по палате. Я запомнил лишь, что в ночь, когда она родила, роддом в Сураханах побил все рекорды Баку, на свет появились девять детишек. Нянечки и акушерки всю ночь, носились из палаты в палату, шумно шлёпали тапочкам по натертым полам.

Ограничившись справкой из роддома, мама с папой долго не могли выбрать время съездить в Загс, получить Свидетельство о рождении сына. Началась война, они испугались, что оштрафуют, раз не получили вовремя метрику. В роддомовской справке римскую единицу исправили на галочку, получилось пять, и срочно пошли получать метрику, как тогда называли Свидетельство о рождении. Таким образом, брат мой стал на четыре месяца моложе, рожденным не в январе, а в мае. В наше время, месяц в справках пишут прописью. День рождения Олега всю жизнь мы отмечали дважды.

Родители ожидали, я буду ростом в отца – два метра. Но к 19 годам мой рост остановился на 178 см, а к старости даже чуть уменьшился. Почему вспомнил про рост? В детстве, чтобы не возникал спор между кондуктором и родителями, в каждом трамвайном вагоне рядом с вагоновожатым, да и в троллейбусе позже, красовалась нарисованная линейка, по росту ребенка определяли брать ли ему билет. В войну в общественном транспорте Баку бесплатным проездом пользовались дети до семи лет. Я, в пять с половиной лет, перерос отметку, и мама иногда вынуждена была в споре с кондуктором, доказывать, что мне не только семи лет, а шести полных еще нет. Билет стоил три копейки, и споры практически всегда кончались улыбками, и пожеланиями вырасти мне Гулливером.

Годы войны

Папа, инженер – гидротехник работая в Каспморпроекте, с началом войны курировал в Баку строительство новых портовых сооружений для отправки нефтеналивных судов в Астрахань, и ему дали бронь от призыва на фронт.

Когда Олегу по документам исполнилось четыре месяца, маму мобилизовали на работу в Наркомат водных ресурсов, заниматься проектированием новых ирригационных каналов. Москва требовала от Азербайджана расширить посевные площади хлопчатника и других сельскохозяйственных культур. Потребности в них резко возросли, с оккупацией немцами огромных территорий северо – запада России. Нам с братом взяли няню. Мама с папой звали её Андреевной, хотя у неё было имя. Андреевна ухаживала за братом, кормила нас и водила гулять. Меня за руку, Олежку большей частью возила в огромной, как мне казалось, коляске из ивовых прутьев с колесами, в пол моего роста.

С началом войны, Баку наводнили беженцы и переселенцы из оккупированных областей страны. Всех бакинцев «уплотняли», подселяли семьи и одиноких беженцев. Тетя Сима вовремя сообразила, что в её трехкомнатную квартиру, где осталась одна с бабушкой Ксенией Васильевной, подселят чужих людей. Срочно помирилась с моими родителями, уговорила сестру и даже нашу няню Андреевну вернуться к ней. Так наша семья снова оказалась в благоустроенной квартире, в городе. Подселение избежать все равно не удалось. В квартиру поселили молодую пару из Ростова на Дону. Анну и Николая, квалифицированных станочников одного из заводов Ростова, эвакуированных в Баку, с частью заводского оборудования перед оккупацией города немцами. На второй день приезда оба уже работали на заводе имени лейтенанта Шмидта. Часто и ночевали на заводе, когда выполняли срочный заказ. Молодые подселенцы оказались очень милыми людьми и практически не создавали неудобств, быстро подружались с Симой и Ксенией Васильевной, Андреевной. Мама с папой их почти не видели, рано уходили и поздно возвращались. Через несколько месяцев наши войска освободили Ростов и постояльцев, несмотря на противодействие руководства бакинского завода, где нужны были рабочие руки, вернули в Ростов восстанавливать завод. Анна успела прислать Симе одно письмо, а потом немцы снова заняли Ростов, и какова судьба семейной пары не знаем. Скорее всего, погибли.

Новый постоялец, высокий чиновник из геологической службы «Азнефти» был дальним родственником Серебровского – известного организатора нефтедобычи в Азербайджане в 20-е годы, кичился этим, и вёл себя бесцеремонно. Подолгу занимал ванную, не убирал за собой мусор, забывал тушить свет и закрывать на ключи входную дверь. Он прожил до конца войны и вернулся в Грозный разрабатывать новые месторождения нефти. Запомнилось, что в своей комнате на окне, в картонной коробке в кальке, он постоянно держал большой кусок американского маргарина, а я тайком постоянно отрезал по кусочку и съедал, за что попадало от бабушки. Маргарин был вкусный, как сливочное масло, которое я больше помнил по детскому саду, хотя по карточкам мы его немного получали. Весь паек соленого сливочного масла помещался в стеклянную пол-литровую банку. Мама оборачивала её мокрой тряпкой и держала в миске с водой, которую регулярно меняли. Холодильников ведь не было.

Шел 1942-й год, мама работала в Наркомате (по – современному, в Министерстве), как и папа, имела literные карточки на продукты, обедала в совнаркомовской столовой, жить должны были бы мы прилично. Но почему-то запомнилось, как мама с бабушкой радовались хлебным крошкам, которые изредка приносила нам Андреевна. Её сын работал шофером на хлебовозке, и в конце каждого дня щеточкой аккуратно сгребал накопившиеся в кузове крошки. Они были черными, подгоревшими, но в доме Андреевны из них умудрялись готовить какое-то варево. Моя бабушка перемешивала крошки с дефицитным подсолнечным маслом

и жареным луком, добавляла зелень, и мы ели это с мацони. Получался вкусный и сытный завтрак.

Из военных лет запомнились окна, заклеенные газетными полосами крест на крест, на случай если разобьются, чтобы осколки стекол не разлетались по комнате. На ночь на окна опускали синие плотные бумажные шторы, чтобы свет из окон не привлекал внимание летчиков немецких бомбардировщиков. Но не все бакинцы строго придерживались предписания Штаба обороны города, забывали с наступлением темноты опускать шторы. Для борьбы с нарушителями через несколько месяцев после начала войны, в темное время суток стали полностью отключать электричество. Официально объяснили недостатком электроэнергии, кругло-суточно работающим заводам. В каждой семье завели коптилки. У нас их было три, в нашей комнате горела всю ночь, у тети Симы, и ее мамы, и на кухне. Кухонной коптилкой, горячей всю ночь, пользовались также при посещении ванной комнаты и туалета. Коптилка представляла собой бутылочку от пектусина, лекарства от кашля, наполненную керосином, в которую вставлялся через специальную трубочку с ободком, фитилек из хлопчатой ткани, свернутой жгутиком. Коптилка на 150—250 мл керосина непрерывно горела несколько суток. Керосин в доме был всегда. С началом войны часто отключали газ и тогда пищу готовили на керосинках и керогазе, их в доме имелось несколько.

Помню воздушные тревоги, и как дежурные среди ночи стучали в двери, требовали идти в бомбоубежище. Оно было где-то далеко, и мама нас с братом никогда туда не водила. Слава Богу, ни одна бомба на Баку не упала. Залетел на разведку один самолет Юнкерс – 88, и его сбили. Обломки выставили в парке Красной Армии (теперь парк офицеров) напротив Голубой мечети. Меня – детсадовца последней старшей группы, в 1942 или 1943 году водили в парк смотреть обломки самолета. Запомнил на всю жизнь. Огромные черно – белые кресты и свастику.

На второй год войны, папу призвали в армию и через несколько месяцев учебы, присвоив звание лейтенанта, командировали в Иран в город Хорремшехр. Там, с другими советскими инженерами, а позже, и, с прибывшими американскими специалистами, они приступили к подготовке иранского порта, на восточном берегу реки Шатт-эль-Араб, к приему американских судов. Власти США выбрали этот порт, в семидесяти километрах от впадения иранской реки в Персидский залив, для разгрузки гуманитарной и военной помощи СССР по программе Ленд – Лиза. Однажды папа приезжал в командировку в Баку. С ним, во дворе нашего дома несколько дней стояли три огромных новеньких «Студебеккера». Вот привалило радости пацанам нашего и близлежащих кварталов! Шофера – солдаты, соскучившиеся по «гражданке», охотно общались с мальчишками, позволяли лазить по машинам, сидеть в кабинах. Водители ночевали у нас в квартире. Бабушка стелила им на полу в кухне и в коридоре.

Воспоминаний о войне больше грустных. Наш большой, густонаселенный двор, частые похоронки и страшные рыдания, бьющихся в истерике молодых вдов и матерей, лишившихся сына.

Знакомство с деревенской жизнью

Ругаю себя, что не расспросил тётю Симу при жизни, каким образом, в 1943 году, она оказалась, в Ставропольском крае под городом Моздок, директором опытного овощеводческого хозяйства. Название села – Хутор Русский Первый, я вспомнил в девяностые годы, в чеченскую войну. Вспомнил и Терско – Кумский оросительный канал, в котором купался с местными ребятишками летом 1944-го. По своей воли Сима оставила Баку, и поехала в места, разоренные войной, только – что освобожденные от оккупации, или, как позже сказали бы, – партия послала. Тогда был слишком мал, позже другие заботы и проблемы волновали. Об этих детских годах вспомнил, лишь когда решился написать для своих внуков воспоминания.

Из тех лет помню только, что в январе 1944-го, Сима вернулась в Баку, одна или с кем – то еще, – не помню. Приехала за деталями для двух тракторов, в её хозяйстве, и семенами. Перед отъездом убедила маму разрешить ей и меня забрать с собой. Объясняла, что облегчит жизнь оставшимся, им останется моя продовольственная карточка. В селе, почему-то названном хутором, есть начальная школа. И с третьей четверти пойду туда учиться. На свежем воздухе закалюсь, поправлюсь. С едой не будет проблем, она ведь директор большого овощеводческого хозяйства, которое правильнее бы назвать совхозом. Дом её, слегка разрушенный войной, полностью восстановлен, вокруг большой фруктовый сад. Уговорила, и мама, скрепя сердцем, впервые рассталась со мной на неопределенное время.

В январе 44-го не вся еще советская территория была освобождена от немецкой оккупации, но по всем признакам чувствовалось, Победа скоро. Как мы добирались, в памяти не сохранилось. Отчетливо помню лишь лежащую на земле, длинную, а когда-то высокую водонапорную башню на железнодорожной станции Моздок.

В школу я пришел в конце января. Среди учеников, в классе, было много переростков. Три года войны школа не работала. Меня встретили настороженно и с любопытством, – из города, мама самый главный человек в селе. Реально, главнее председателя сельсовета. Даже учителя не сразу разобрались, что Серафима Васильевна мне тётя.

От дома до школы было километра два, думаю. Первые дни меня подвозил на двухколесной пролетке Симин кучер, или она сама правила лошадьё. Ни легковой, ни грузовой автомашины, в хозяйстве не имелось. Грузы перевозились лошадьёми или быками. Недели через две Сима уже отправляла меня в школу одного пешком, по главной и единственной улице села. Когда наступила весна, поднялись травы и появились первые цветы, мне больше нравилось возвращаться из школы не по улице, через село, а полем, отдыхая, и, собирая цветы, выискивая в траве птичьё гнезда. В саду у нас тоже были гнезда. Птицы свили десятка два гнезда на деревьях, часто так низко, что можно было заглянуть в них без лестницы. Для меня, городского мальчишки, всё было в диковинку, я лазил к гнездам, считал, где сколько яичек отложено, позже вынимал подросших птенцов, играл с ними. После моего вторжения некоторые птички уже не возвращались к своим гнездам. Бросали насиженные яйца, только-что вылупившихся птенцов. Сима целыми днями пропадала на работе, и я практически был предоставлен сам себе, часто приходили пацаны – сверстники. Мы вместе разоряли птичьё гнезда. Кроме иволги. Эта желтая птица нравилась нам. Когда почти все гнезда в саду были разорены, нас, наконец, остановила соседка, днем случайно оказавшаяся во дворе, и пожаловалась Симе. Тетя Сима, которую я продолжал называть просто Симой, прочитала нам длинную нотацию, пригрозила, если узнает, что продолжаем разорять гнезда, выпорот офицерским ремнем. Весной у Симы появился хромой мужчина, интеллигентного вида, с тросточкой, и офицерский ремень. Я уже писал, Сима была любвеобильной женщиной, и за девять месяцев, что я жил с ней в селе, мужчин в доме перебивало не меньше трех – четырех. Оно и, понятно, в ту пору ей шел сорок первый год, пик женской сексуальности.

С приближением весны, работы на тётю Симу, навалилось на все двадцати четыре часа. Посевные заботы, высадка в грунт рассады овощей, ремонт и поиски запчастей для постоянно ломающихся обоих «фордзонов», а еще прибавилось весеннее обострение любовных страстей. На меня совсем не оставалось времени. Накормить, поинтересоваться, как дела в школе, если еще и удавалось, то помыть, искупать, используя ведра и тазики, руки не доходили по две недели.

Как-то отправила меня с соседкой тетей Таней в ее баню. Баня – одно название, небольшое деревянное строение с кирпичной печью и несколькими вертикально стоящими деревянными бочками – кадушками. Воду разогревали булыжниками, которые накаляли в печи, а затем, с помощью огромных щипцов и совка, бросали в кадушку. Раздавался взрыв, в воздух поднималось облако пара, какое-то время ничего не было видно.

Первое посещение деревенской бани запомнилось дикой жарой, голой молодой женщиной, которая временами скрывалась за густыми клубами пара. Уроками тети Тани, как позже понял, сексуально озабоченной одинокой женщины. Думаю, она была учительницей, но не в нашем классе. Видел её в школе. Смывая с меня двух недельную грязь, она больно терла мочалкой все части моего тела, особенно между ног, что-то приговаривала при этом, и смеялась. Воспитанный на бакинской русской литературной речи, я не полностью понимал её местный диалект. Она окатывала меня ковшиком из бочки с горячей водой, затем ледяной, я дрожал и дико кричал. Она смеялась и объясняла, для здоровья такая экзекуция полезна.

Ни с того, ни с сего, неожиданно вспомнила, родители девочек в школе, ей жаловались, мальчишки часто подсматривают за ними в туалете, и громко обсуждают половые отличия. Спросила, участвовал ли я в этих бесстыдствах. Объяснил, что еще в детском саду, во время купаний, сто раз всё видел, и давно знаю, чем отличается девочка от мальчика. Мне это не интересно. У девчонок продолговатая щелка, где у мальчишек отросточек с мешочком, и я показал на себе.

– Да ты, оказывается, все знаешь, – удивилась тетя Таня.

– А знаешь, откуда появляются дети? – продолжила она разговор.

– Из маминого животика, – пояснил я. – Она опять рассмеялась, продолжая мыть голову.

Пока я продолжал самостоятельно мыться, хозяйка бани легла навзничь на широкую лавку, и попросила потереть мочалкой спину, поливая водой из ковшика. Я испытывал неловкость. Стеснялся голой женщины, она несколько раз повторила:

– Не слышишь? Так распарился?

Пришлось подойти и потереть.

Она перевернулась на спину, а меня отправила продолжать самостоятельно плескаться, обливаться водой, какая мне больше нравится. Конечно, дома под душем, намного удобнее и приятнее наслаждение, но с лейкой душа требовалось обращаться аккуратнее, чтобы вода не лилась мимо ванной, на пол. Здесь же, можно плескаться, брызгаться, вода стекает по канавке прямо на улицу.

Я еще вдоволь не наигрался с ковшиками и водой, не набрызгался, как тетя Таня опять позвала. Увидев её, лежащей на спине, с раздвинутыми ногами, я растерялся, какая еще помощь потребуется от меня? Не решался подойти. Она повторила приказным тоном, и я подошел. Неожиданно она взяла мою ручонку, и сквозь кустик густых волос внизу живота, принялась засовывать её себе в промежность.

– Пощупай. Вот из этой щелки, как ты назвал, – пиз... – она назвала ругательное слово, которое я и сейчас не позволю себе употребить, – и выходят дети.

Представить, как может ребеночек протиснуться сквозь такое узкое отверстие, я не мог. Спросить не решился, стыдился смотреть на тетю Таню. А она продолжала двигать мою руку. Мне было не по себе. Сегодня, десятилетия спустя, не могу передать, что я чувствовал. Помню только, было противно. А потом... Самое интересное, в тот момент я почувствовал жжение

ниже живота, мой отросточек отвердел и выпрямился. Что это за реакция, я узнал позднее. Пытался выдернуть свою руку, а тетя Таня смеялась, сжимала ноги, и не отпускала. Несмотря на сопротивление, я все-таки высвободил руку, отошел, и принялся готовить себе новую порцию воды в тазике для обливания. Хозяйка продолжала лежать, с раздвинутыми ногами и пальцами что-то выискивала в кустике волос. Занималась этим довольно долго, несколько раз ахнула, дернулась, напугала меня. Через много лет, когда нашему поколению стали доступны эротические фильмы, я вдруг вспомнил этот эпизод из далекого детства. Тетя Таня мастурбировала. Во время войны проблема женского либидо стояла остро.

Лето в деревне – нескончаемый праздник. Купание в канале, черешни, абрикосы, потом вишни и груши, всё можно рвать в саду у дома, и есть, сколько хочешь. Никогда раньше и позже, я не имел возможности, есть столько фруктов и прямо с дерева. Потом пошли дыни и арбузы. И еще, чем запомнилось лето – свободой. Тетю Симу я видел лишь ранним утром и поздним вечером, весь день был предоставлен самому себе. С пацанами ловил рыбу, бродил по полям и огородам, крутился на мехдворе, где несколько мужиков – инвалидов копались в сохранившихся деталях какой-то сельскохозяйственной техники, переделывали их для работы на току.

Нарушая категорический запрет тети Симы, бегал с пацанами на места, где год назад гремели бои. Отыскивали остатки окопов, собирали гильзы от снарядов, поднимали разные железки. Однажды нашли настоящую гранату. Я принес из дома спички, пацаны постарше разожгли костер. Потом все мы убежали от костра, укрылись за бугорком и кинули гранату в огонь. Раздался взрыв. Вечером мне довелось испытать офицерского ремня.

Несмотря на все вольности деревенской жизни, сказочное, по военным временам, питание, свободу, доброе отношение ко мне местных пацанов, и заботу Симы, я постоянно ощущал отсутствие мамы и родительской ласки. Особенно остро это чувство проступило с наступлением осени, первых холодов и дождливых дней. Сима любила меня как сына, баловала во всем, и все – таки не заменяла восьмилетнему мальчишке маму. К тому же, жизнь с ведром вместо унитаза, мытье из тазика вместо ванной с душем, начинали надоедать, желание вернуться к маме, в городскую квартиру, к жизни, к которой успел привыкнуть за семь лет, все больше занимало мои мысли. Раз – два в месяц я посылал маме открытки с коротким текстом, описывал свою жизнь, в семи строчках делая не меньше дюжины ошибок. Что вы хотите от ученика первого класса сельской школы! Мамин почерк я разбирал с трудом, она писала почти каллиграфически, а я хорошо понимал только печатные буквы. Мамины открытки мы читали всегда вместе с Симой. Переписывались почему-то на открытках, желто – серый прямоугольник жесткой бумаги с напечатанной маркой – колхозницей за 20 копеек, красного цвета. Почему писали на открытках, а не в конвертах, не задумывался. Позже догадался – облегчали работу цензоров. С начала войны вся корреспонденция прочитывалась военными цензорами, они вымарывали черными чернилами всё, что могло представить интерес нашим врагам. Письма с фронта приходили на тетрадных листках, сложенных треугольником, с печатью «проверено цензурой». Сима получала служебную почту с нарочным, приезжающим из Моздока на двуколке.

В начале октября, в очередном послании маме, я написал, «мама, заberi меня домой, мне здесь очень плохо». Открытка эта сохранилась до сегодняшнего дня. В военное время, в 1944 году, взять билет на поезд и поехать куда-то не разрешалось. Необходимо было получить пропуск, который выдавали лишь в чрезвычайных обстоятельствах. Болезнь, смерть близкого человека таким обстоятельством не считалась. Шла война, не время праздных путешествий. Мама занимала всего лишь должность инженера, руководителя проекта, но работала в очень солидной организации – Совнарком республики, (По – современному, в Совете министров Азербайджана) и пропуск на поездку в Моздок, забрать меня, получила. Даже из Баку, далеко находящемуся от линии фронта, поезда ходили не по стабильному расписанию, а составленному от суток до двух недель. Постоянно нарушаемому воинскими эшелонами, в сторону

запада, отправляемыми в первую очередь. Как маму встретила Сима, не помню. Не помню и деталей отъезда. Вспоминаю только, что по пути в Баку, несколько дней мы с мамой жили в Пятигорске. Я был поражен горячей водой, бежавшей по бетонному желобу из нагорной части города. Мама сказала, в этой воде можно сварить яйца всмятку. Яйца были в дефиците, и проверить не представилось возможным. Остановились в каком-то казенном помещении, где одна комната была завалена репчатым луком, в другой стояли металлические бочки с подсолнечным маслом. С едой была напряженка, и, чтобы как-то утолить голод, мама несколько раз в день жарила лук на масле. Мне такая еда нравилась, и с тех пор на всю жизнь полюбил румяный, поджаренный на натуральном подсолнечном масле, лук. Еще в памяти осталось стояние на остановке в холодный осенний день в ожидании машины в Нальчике. Очевидно, поезд в Баку шел оттуда. Не спросил маму или тетку в свое время.

В вагон втиснулись с трудом. В нем не было и сантиметра свободной площади. На вторых и третьих – верхних багажных полках, лежали люди. Нижние полки сидя занимали по три – четыре человека, тесно прижавшись друг к другу. На полу и в проходах тоже сидели и лежали. В одном отсеке (теперь называют купе) люди потеснились, на одну лавку мама села четвертой, на другую посадили меня. Так и ехали около двух суток, одну ночь точно. Ночью одна из теток, занявшая вторую боковую полку, жаловалась надо мной и позвала лечь рядом на полке. Мама не сразу разрешила, опасаясь, что свалюсь с высоты.

В старых вагонах стоп – краны стояли тогда почти в каждом купе. И вот я, восьмилетний пацан, взбираясь на вторую полку, по незнанию ухватился за красный рычаг стоп-крана. Раздалось шипение, поезд начал тормозить и вскоре на несколько секунд остановился. С одной из полок подскочил мужик, схватил мою руку, прижал больно, и вместе с ней, вернул рычаг крана в исходное положение. Поезд стал набирать скорость. Моих детских силенок не хватило полностью повернуть кран и остановить поезд.

Народ долго возмущался, продолжая материть маму, женщину, со второй полки, позвавшую меня, дурачка, не знавшего, что красный рычаг предназначен для экстренной остановки поезда. Ругавшие маму активисты, были глупее меня, предполагая, если наш вагон остановился бы, следующие вагоны натолкнутся на него, и перевернутся. Произошла бы катастрофа. В свои 8 лет, я знал, этого не может произойти, торможение происходит одновременно всех вагонов, соединенных в единую тормозную систему.

Через какое-то время в вагон вошла делегация поездного начальства: начальник поезда, два милиционеры, несколько энкэвэдэшников в кожаных тужурках и кепках, как в кино. Продолжаю теряться в догадках, как вычислили вагон и кран, который дернули. Скорее всего, кто-то донес. Маму заставили предъявить документы, пропуска на себя и меня. Второго пропуска, естественно, не имелось. Спасительную роль сыграло мамино удостоверение работника совнаркома Азербайджана. Поездная бригада была из Баку, и всё закончилось составлением акта с подписями свидетелей происшествия и угрозой, что в Баку НКВД разберется, случайно ли я дернул кран или преднамеренно, чтобы нарушить расписание, движение воинских составов. Мама пила таблетки, и ждала кары в Баку. Соседи по отсеку очень напугали её, объясняя, какое это преступление, в военное время пытаться остановить поезд, нарушить движение поездов на линии снабжения фронта нефтепродуктами из Баку. Мама плакала.

К счастью, происшествие закончилось без последствий. Маму даже не вызывали в НКВД. На работу к ней пришел сотрудник, расспросил подробности, записал, мама расписалась и больше её не трогали

В Баку, я вернулся в свою школу №42, во второй класс и успел к знаменательному событию в жизни каждого советского школьника. Класс готовился к торжественной линейке, где всех нас должны были принять в пионеры.

Принимали сразу всем классом, было нам по восемь лет, согласия никто не спрашивал. Это в хрущевские и последующие времена, родители по религиозным или каким-то другим соображениям, могли не позволить ребенку стать пионером. Решились бы родители ребенка в 1944 году отказаться от красного галстука! Живо отправили бы далеко за Урал.

Мы выстроились в линейку в длинном школьном коридоре, старшекласники – комсомольцы торжественно внесли знамя, не помню какое, скорее всего, школьное, и каждый из нас перед знаменем произнес клятву: «Я, юный пионер, перед лицом своих товарищей торжественно клянусь, что буду твердо стоять за дело Ленина – Сталина, за победу коммунизма», и так далее. Затем комсомольцы каждому повязали красный галстук, старшекласники забили в барабаны, затрубили в горны, красивая девушка из райкома комсомола, отдавая честь у знамени, торжественно провозгласила: «Юные пионеры! К борьбе за дело Ленина – Сталина будьте готовы!»

– «Всегда готовы!» – хором ответили мы, и запели, отрепетированное заранее:

Мы – пионеры Родины великой,
Заботой Партии всегда окружены,
Мы скажем все – горячее «Спасибо!»
Родному Сталину, вожатому страны!

Первые послевоенные годы

В 1945 году мне было уже 9 лет, и многое отчетливо сохранилось в памяти. Прежде всего, два салюта. 1 мая и 9 мая. Позже я много раз смотрел салют с Бульвара, из парка Кирова, но такого потрясающего зрелища, как в День Победы сорок пятого, больше не видел.

Помню раннее утро 9 мая. Всех нас разбудила громкая, на весь двор, музыка, громкие крики людей, вышедших во двор. Кто плакал, кто смеялся, все были возбуждены.

С началом войны все радиоприемники и радиолы у населения изъяли. В последние дни апреля 45-го, их вернули владельцам, и теперь они гремели на весь двор и улицу.

Всю войну мы продолжали жить в Арменикенде, на Верхнее – Бульварной улице, в 223 – м квартале, в котором в послевоенные годы, с отменой карточной системы, заработал ресторан «Мугань». В 60 – 70-ые годы, со стороны проспекта Ленина, пристроили башню – высотку отеля с тем же именем. Название Ленинского проспекта заменили на проспект Свободы – Азадлыг. Долгое время с фасадной части нашего квартала пустовало помещение бывшего магазина, в котором, мы дети, играли в прятки. Потом там разместились пожарные со своими красными автомобилями. Позже пожарников сменили продовольственный, а затем промтоварный магазины.

Репрессированные в 1937 году, отец моего папы Сергей Михайлович и старший брат Костя, сгинули безвестно в сталинских лагерях. Мама отца, Ванда Эдуардовна, благодаря знаниям основ медицины, полученным в Институте благородных девиц, выжила в казахстанских лагерях, и в 1950 году вернулась в Баку, узнала, кто состряпал донос на её семью.

Оказалось, их квартира приглянулась соседу, невысокого ранга сотруднику НКВД. Он и организовал «антисоветские настроения бывшим дворянам». Отправил в места не столь отдаленные, и захватил квартиру. Поиски справедливости, по возвращению из лагеря, для Ванды Эдуардовны закончились получением предписания в 24 часа покинуть Баку, «вспомнили», что бывшие осужденные по 58 статье, не могут жить в столицах. А где жить, не стали утруждать себя проблемой. Такова история моих бабушки и дедушки. Похожая на миллионы судеб интеллигенции, да не только интеллигентов, а также рабочих и крестьян. В сталинские годы, если ты, во что бы то ни стало, желал продвинуться по службе, захватить чью-то собственность, достаточно было написать донос, что гражданин такой-то высказывает недовольство, ведет антисоветские разговоры. Брата мамы и Симы – Анатолия, инженера одного из московских заводов, отправили на Колыму, за фразу «Попробовали бы в Америке на неделю задержать зарплату рабочим».

После смерти Сталина, Ванда Эдуардовна вернулась в Баку. В доме имелось пианино, и она давала уроки пения студенткам Консерватории. Нерегулярно посещала службы в православном храме, хотя по крещению лютеранка. Написала брату в Нью – Йорк, и он несколько раз присылал посылки с очень любимым ею «настоящим» кофе. Папа с мамой протестовали против её контактов, боялись за свою судьбу и карьеру, и были правы. «Компетентные органы» каждую посылку проверяли и половину присланного конфисковывали. Ванду Эдуардовну предупреждали, если не прекратит переписку, отправится вновь в места, откуда недавно вернулась. Бабушка, закаленная годами лагерей, опытом общения с «компетентными», принародно посылала их нецензурными словами на три и пять букв. Воспитанница института благородных девиц, получившая дополнительное лагерное образование, так её доставали! И продолжала переписку с братом, не обращая внимания на запугивания, до самой своей смерти в 1959 году, в 89 лет. Брат Ванды Эдуардовны (Петр или Николай – имя, если называли, не запомнил), в 1925 году, с женой, эмигрировавший в Америку, был старше, и судьба его не известна. В 80-е годы я написал по его адресу на конверте 1925 года, с надеждой найти следы, но безрезультатно.

татно. Другой брат, Эрик Эдуардович, дослужился до полковника Российской Императорской Армии, о нем тоже ничего не известно.

В Таллинне бабушка отыскала младшую сестру Марию Эдуардовну, которой, сразу же после освобождения, написала. Мария испугалась общаться с бывшей репрессированной, запретила ей писать и, прекратила общение. Адреса её, я не нашел, иначе отыскал хотя бы родственников. Вот такими были четверо Розенбергов, фамилия которых заставляла вспомнить гитлеровского министра, родственниками которого они не были. Семейные следы бабушки я искал, приезжая в Германию, после отмены Железного занавеса, и ничего не нашел. Выходит, много поколений жили они в Прибалтике. Родители опасались за мою судьбу и ничего не рассказывали о прошлом своих семей, останавливали все мои расспросы. Чтобы понять их, следует вспомнить, в какое время мы жили!

Песни моего времени

Музыкальные мелодии, песни, фильмы, сопровождающие нас с рождения, как и государственные катаклизмы, происходящие в стране, остаются вехами в истории поколения.

Помню себя с двух лет. У меня с рождения, не известно в кого, росли очень длинные ресницы. И когда мама купала меня, реснички попадали в глаза, и я громко орал. Это мое самое первое сохранившееся воспоминание, подтвержденное родителями. Следующее, тоже, засвидетельствованное: я не мог уснуть, пока мама не усыпит меня колыбельной песней.

Баю-баюшки-баю,
Не ложися на краю.
Придет серенький волчок,
Он ухватит за бочок
И потащит во лесок.

Позже мамину колыбельную дополнила черная бумажная тарелка репродуктора на стене:

Месяц над нашею крышею светит,
Вечер стоит у двора.
Маленьким птичкам и маленьким деткам
Спать наступила пора...
Даст тебе силу, дорогу укажет
Сталин своею рукой.
Спи, мой воробушек, спи, мой сыночек,
Спи, мой звоночек родной!

Затем вспоминается детсадовская «В лесу родилась ёлочка», которую вспоминал и вспоминаю с детьми и внуками. Её исполняют и поныне каждый новогодний праздник.

Детсад сменила школа, а с ней пришли и новые песни.

Взвейтесь кострами, синие ночи!
Мы, пионеры, дети рабочих.
Близится эра
Светлых годов,
Клич пионера —
«Всегда будь готов!».

На пионерском сборе, вожатая учила нас и веселой песенке.

По улицам шагает
Весёлое звено;
Никто кругом не знает,
Куда идёт оно;
Друзья шагают в ногу,
Никто не отстаёт,
И песни, всю дорогу,
Тот, кто с нами, тот поёт:
Припев:

Если песенка всюду поётся,
Если песенка всюду слышна,
Значит, весело всюду живётся,
Значит, песенка всюду нужна!

Повзрослев, в третьем или четвертом классе мы запели:

Мы – кузнецы, и дух наш молод,
Куем мы счастья ключи.
Вздымайся выше, наш тяжкий молот,
В стальную грудь сильнее стучи, стучи, стучи!
Мы светлый путь куем народу,
Полезный труд для всех куем...

Дальше вспоминаются песни Дунаевского из кинокомедий «Веселые ребята», «Волга – Волга», «Весна». Их помню и люблю, их все знают и сегодня. Я больше слушал, петь не всегда заставляли. Да и голоса у меня никогда не было. Пел только, когда нельзя было увильнуть, когда сразу несколько классов сгоняли в Актовый зал и готовили школьный хор к приезду проверяющего, из Министерства или даже из Москвы. Песни те давно не поют, но какие-то куплеты врезались в память на всю жизнь.

Если знание сегодняшней жизни черпаешь из зомби – ящика, эти песни весьма актуальны. Одна из них называлась «В защиту мира!».

В защиту мира, вставайте люди!
Ряды тесней, страна к стране!
И пусть над миром сильнее орудий
Призыв наш реет: Не быть войне.

Вторую – «Гимн демократической молодежи», недавно случайно услышал в какой-то радиопрограмме, и неожиданно вспомнил.

Дети разных народов,
Мы мечтою о мире живем.
В эти грозные годы
Мы за счастье бороться идем.
В разных землях и странах,
На морях-океанах
Каждый кто молод,
Дайте нам руки,
В наши ряды, друзья!

Не только идейно выдержанные, патриотические песни сохранила память, когда вспоминаю дворовые посиделки 1950 – х годов. В Баку, пацаны, старше меня, под гитару пели, а мы слушали и подпевали, не забываемые поныне, «Фонарики ночные».

Сижу на нарах, как король на именинах,
И пайку серого мечтаю получить.
Капель стучит в окно,
А мне уж все равно,

Я никого уже не в силах полюбить...

Очень популярна была в Баку песня про Али бабу.

Лишь только вечер в Стамбуле наступает,
В ночных притонах ударники стучат.
Али Баба танцует и вздыхает,
Им овладеть все женщины спешат.
Али Баба! Ты посмотри, какая женщина!
Она танцует, флиртует, смеётся и поёт.

Позже, уже в Мингечауре, старшеклассниками, на посиделках пели больше романтические, а не лагерные песни, хотя разделить их можно лишь условно.

А ну-ка Боб, поговорим короче,
Как подобает старым морякам!
Я опоздал всего лишь на две ночи,
Но эту ночь без боя не отдам!
Сверкнула сталь, сошлись в круг матросы
И закипел кровавый жаркий бой
Они дрались за пепельные косы
За блеск очей в тумане голубом.

Эти песни не имеют срока давности. Их пели узники ГУЛАГа в 30-е годы, поют в XXI веке эки сегодняшних тюрем и лагерей.

Конечно, больше в памяти сохранилось бодрых, жизнерадостных песен и мелодий, которые пришли с экранов кинотеатров. Услышишь песню, и вспомнишь фильм, год, в каком классе учился, в каком кинотеатре смотрел, кто сидел рядом.

Были, во времена детства и юности, песни без пропагандистского уклона и политического наполнения. Они сохранились, поются и сегодня, их передают по радио и ТВ.

Шел ли дальней стороною,
Плыл ли морем я,
Всюду были вы со мною,
Верные друзья.
И бывало, в час тревоги,
В сумрачный денек,
Освещал нам все дороги
Дружбы огонек.

Песенной классикой стали добрые, красивые песни о любви и о Родине. «В городском саду играет духовой оркестр»; «Вернулся я на Родину»; «И вот иду, как в юности я улицей заречной, и нашей тихой улицы совсем не узнаю...». «Вечер вальса состоится в нашем клубе заводском»; «Далеко – далеко, где кочуют туманы, где от легкого ветра колышется рожь...».

А сколько красивых, лирических песен были посвящены городам великой страны! «Здравствуй, Москва», «Слушай, Ленинград, я тебе спою задушевную песню свою», «Киевские каштаны», «В тумане скрылась милая Одесса», «Сормовская лирическая – На Волге широкой, на стрелке далекой, гудками кого-то зовет пароход...», «Мой прекрасный город, сол-

нечный Баку», «Севастопольский вальс». Вспомнить можно еще десятки и сотни песен, которые перенесут в прошлое, напомнят о дорогом и полузабытом. Музыка к ним писали талантливые композиторы: Исаак Дунаевский, М. Блантер, А. Новиков, Т. Хренников, О. Фельцман, Ю. Милютин, М. Фрадкин. Авторами стихов, именно стихов, а не текстов, как в XXI веке, были Михаил Светлов, М. Исаковский, А. Фатьянов, Е. Долматовский, М. Матусовский, В. Гусев, Лев Ошанин, позже Ал. Галич, А. Островский, Е. Евтушенко и многие – многие еще.

Дворовые развлечения

К концу войны бакинских пацанов захватило увлечение самокатами. До этого мальчишки 8 – 11 лет катали тяжелые металлические обручи с помощью отрезка толстой проволоки, изогнутой на конце в виде буквы «U». Эти обручи пришли в страну вместе с американскими Студбеккерами и Фордами. В автомобилях они дополнительно что-то фиксировали в колесе. Отечественные «специалисты» считали их лишними и выбрасывали. А мы, пацаны, их катали, стараясь не уронить на ноги. Радость беготни с обручем по периметру двора, сменил самокат.

Катание обруча, затем самокат распространение получили в основном на юге. В городах с асфальтовым покрытием дорог и тротуаров, в республиках и областях, с теплой сухой погодой.

Сегодня не могу не задаться вопросом, откуда у нас находились подшипники – основа самоката? Подшипники диаметром от 6 до 12 сантиметров. Самокаты существовали только самодельные, изготовленными руками пацанов. Отцов, практически ни у кого не было, чтобы построить надежную конструкцию. Взрослые находились еще в армии или в госпиталях, были инвалиды. Чтобы сделать самокат требовались две доски около метра и одна в два раза короче. В торце длинной доски с помощью ножовки, лобзика и прочих подручных средств, выпиливалось прямоугольное окошко, поперек прибавалась толстая деревянная палка с насаженным на неё подшипником. К одной из досок с разными вариантами крепились под 90 градусов доска в два-три раза короче. На доске закрепляли две петли из толстой проволоки. Такие же петли крепились и на другой доске, в торец которой прибавалась отшлифованная дощечка – руль. В петли вставлялся металлический штырь, и это позволяло самокату поворачивать на небольшой угол в каждую сторону. Вот и готов самокат. Часто доски разъезжались, складывались. Приходилось всё восстанавливать сначала. Мало у кого в доме имелись инструменты. На таких самокатах мы и катались.

Во дворе с довоенных времен ночевала легковушка «Эмка» – пикап. Утром на месте её стоянки, на асфальте, всегда появлялось небольшая масляная лужица. Мальчишки с самокатами спешили первыми к ней добраться, чтобы с помощью подручных средств собрать это масло, и смазать шарики в подшипнике.

Сегодня трудно представить самодельный самокат, сколоченный из досок, и подшипников. Самокаты всевозможного вида, заводского производства, с двумя, тремя и четырьмя колесиками, с ручным или ножным тормозом, продают в детских магазинах, они выдерживают нагрузку в 90 – 100 килограмм, складываются, их можно брать метро и автобус, в багажник автомобиля. В некоторых европейских странах взрослые дяденьки ездят на них на работу.

Детский двух колесный велосипед появился в соседнем блоке у Сергея в первый послевоенный год. Его отец, если не ошибаюсь, по ранению рано демобилизовался, и работал районным прокурором. Для меня двухколесный велосипед долго еще оставался неисполнимой мечтой. Лишь в седьмом классе папа купил мне велосипед, и не такой, как у большинства моих сверстников, а шикарный, чешского производства, «Диамант» с ручным тормозом, фонарем, зеркалом. Велосипед – красавец сразу стал предметом зависти владельцев машин Харьковского и Пензенского велозаводов.

Закончилась война, а с ней и бумажные треугольники писем. Почта вернулась к конвертам с марками. У школьников возродилось увлечение собирать марки. По утрам у подъезда, или как говорили в Баку, у нашего блока, я ожидал почтальона тетю Марию. Она разрешала отклеить несколько понравившихся марок от писем, которые разносила адресатам. Клей тогда позволял довольно аккуратно, не повредив, отделять марку от письма. В почтовых отделениях, к тому времени, скопились нереализованные марки военных лет, их клеили на письма,

и на конвертах они встречались часто. Марками обменивались в классе и во дворе с другими коллекционерами.

Зоя Космодемьянская, Александр Матросов, юные герои Краснодона, виды разных самолетов, участвовавших в Великой Отечественной войне, портреты знаменитых писателей и художников, юбилейные даты известных событий – все это в миниатюре изображалось на марках. Конечно, собирание марок девяти – десятилетними пацанами, назвать коллекционированием – дискредитировать настоящих коллекционеров.

Папа в детстве тоже собирал марки, и, увидев, что я увлечен полезным делом, нашел где-то, в старых семейных архивах, свой альбом с марками, и передал мне. Марки оказались потрясающими. Ни у кого из дворовых и школьных приятелей таких не было. Марки царской России, первые советские 20—30 годов, иностранные марки. Поражали марки Тувы (Государство тогда входило в состав Монголии). Они выпускались в виде ромбиков и треугольников, квадратов, и длинными вертикальными столбиками, и все в ярких красках. Еще ценнее оказались марки Испании 20-х годов, выпущенные в память о былом морском величии Испании. Двухпалубные и трехпалубные парусники галеоны, навио, военные и торговые суда, перевозившими золото, серебро, провиант, а также пассажиров. Были марки с изображением знаменитого линейного корабля «Сантисима Тринидад» и другие. Папа, и в клубе филателистов, куда я записался, рекомендовали коллекционировать марки по темам, а не все подряд. Только так можно собрать полноценную коллекцию. В итоге, на свои марки «Монгол шудан», Испанию, Германию и США, я выменял в десятки раз больше отечественных марок.

Собирание марок пользу приносило огромную. Прежде всего, расширяло кругозор разносторонних знаний. Миниатюры с репродукциями известных художественных полотен знакомили с мировыми шедеврами, рассказывали о научных открытиях и географии разных стран. Благодаря маркам, я на всю жизнь запомнил даты жизни великих писателей, ученых, к юбилеям которых выпускалась очередная серия марок. Знание дат помогало в школе на уроках литературы и истории, а позже, взрослому, во многих случаях позволяло легко ориентироваться в хронологии исторических событий. В книжных магазинах и газетных киосках серии гашеных марок продавались по божеским ценам, их можно было купить, сэкономив на мороженом или школьном завтраке.

Коллекционирование марок, в сороковые-пятидесятые годы оставалось полезным и недорогим увлечением. Никакие современные самые умные компьютерные игры так не способствуют интеллектуальному развитию ребенка, как увлечение марками. Жаль, в последующие годы, собирание марок захватил бизнес, как и остальные виды коллекционирования.

Потом пришло еще одно увлечение – диафильмами. Я тогда учился в третьем классе. Первые диафильмы были посвящены сказкам и черно-белой экранизации небольших рассказов в рисунках. Фильмоскопы не выпускали, и купить можно было лишь довоенные, в комиссионном магазине, а диафильмы продавались в каждом газетном киоске по 30 копеек. Первым в нашем дворе, я сам изготовил фильмоскоп – проектор. Сколотил ящичек из фанеры, в заднюю стенку вставил лампочку, в переднюю прикрепил самодельные картонные трубки, вставляемые одна в другую, со стеклом от лупы, заменяющим объектив, и позволяющий выставлять фокус. Такой аппарат довольно сносно проектировал изображение на белую простыню, примерно пятьдесят на шестьдесят сантиметров. Диафильмы знакомили с Маленьким Муком, Гаврошем и Сыном полка Ваней Солнцевым, подвигами партизан в Италии и Хорватии, рассказывали юным зрителям о ВОВ, её героях.

На киносеансы к нам в квартиру набивались пацаны со всего двора, человек по семь, а то и больше. В квартирах в те годы не стояли дорогие мебельные гарнитуры, родители не опасались, кто-то из пацанов что-то поцарапает или разобьет, доброжелательно относилась к моим друзьям и товарищам мама.

В конце большинства диафильмов, редакция студии «Диафильм» обращалась к юным зрителям с просьбой поделиться своим мнением об увиденном. Однажды я написал в редакцию, что их фильмы помогают усваивать школьный материал. Со студии мое письмо переслали в «Комсомольскую правду» и 11 мая 1947 года мою фамилию впервые напечатали в «Комсомолке»: «В студию «Кинодиафильма» приходят сотни писем. Боря Михайлов, ученик 4-го класса 47-й школы Баку пишет: «По учебнику «Родная речь» мы в классе изучали рассказ В. Гюго «Гаврош». Я сделал фанерный аппарат в виде аллоскопа, купил в магазине киноленту «Гаврош» и несколько раз внимательно просмотрел ее дома. Потом я пришел в школу и хорошо ответил урок». Не понятно, как, но через день в школе и во дворе, все уже знали, про меня написала «Комсомолка».

Как и сверстники с нашего двора, я не был послушным маменькиным сынком, увлекающимся только самокатами и собиранием марок. Как и все хулиганил, дрался в нашей «банде» с мальчишками соседних кварталов, вместо школы отправлялся на «шатаал», – бродить по городу, кататься на трамваях в отдаленные районы города. Популярностью пользовалось у нас опасное трамвайное лихачество: впрыгивание на площадку и прыгивание с нее на ходу. В те времена в трамваях двери автоматически не закрывались. Лишь в начале 50 – х появились первые вагоны трамваев с автоматическими дверьми и на ходу уже не запрыгнешь.

Лето после четвертого класса запомнилось походами с дворовыми пацанами в городские купальни на бульваре. Конечно, в тайне от родителей. Кто же отпустит десятилетнего мальчишку без взрослых купаться в море?

Бабушке говорил, что пошел кататься на самокате с горки по Первой Нагорной, а сам на трамвае спешил в город, на бульвар. Годом раньше папа первый раз привел меня в это замечательное место в центре города – городские купальни, в бассейн, отгороженный от моря решетчатым забором, полом, укрепленным под водой и позволяющим поддерживать глубину, чтобы детям не захлебнуться. Взрослые и мальчишки старше купались в открытом море.

После демобилизации папы с военной службы, мы с ним приходили в купальни каждое воскресенье, иногда еще и с мамой. Родители оставляли меня в бассейне – «лягушатнике», а сами плавали в открытом море. Мама быстро возвращалась, боялась оставлять меня без присмотра, вдруг в дне бассейна доски разойдутся, или вредители сделали дырку в полу, и я провалюсь, хотя я умел плавать.

Городские купальники находились в середине Приморского бульвара, против Девичьей башни. От набережной, на полкилометра в море уходила широкая деревянная эстакада. В конце она разделялась на две части и упиралась в купальный городок, вновь открытый еще в 1912 году, перед мировой войной. Если посмотреть на купальни сверху, сооружение имело вид якоря и делилось на две половины: женское и мужское отделение купален. В каждой из них были бассейн с полом для не умеющих плавать, лестница в открытое море, трамплин для прыжков, индивидуальные номера с лестницей в бассейн или в открытое море, имелся душ с пресной водой. На крышах купален находились солярии или, как их называли, «загоралки».

Папа рассказывал, что купальни в море, открыли еще до его рождения, в 80 – е годы XIX века. Их многократно перестраивали, и мы застали уже не такими, как на старинной открытке: над водой возвышается сказочное здание в виде изящного летнего дворца. На обратной стороне открытки приводилась цитата из газеты «Каспий» за 1914 год, в ней сообщалось, что новые бакинские купальни оригинальное сооружение на воде, напоминают сказочный дворец. Ничего похожего в Европе пока нет, если не считать Ниццы.

Мои тайные купания с дворовыми пацанами бабушка вскоре разоблачила, а затем и родители узнали. Как бы ни оттирался керосином и мылом, смыть с тела мазутные напоминания удавалось не всегда. Редкие радужные нефтяные пятна плавали в море при любой погоде, хотя

купались мы лишь в дни, когда ветер (Норд), дул с берега и нефтяную пленку уносило в открытое море.

Меня наказали на всё оставшееся лето, не стали выпускать во двор в первую половину дня, я должен был несколько раз звонить маме, удостоверяя, что я гуляю только во дворе. Теперь я посещал городскую купальню только с родителями и не каждое воскресенье. Мама часто выбирала электричку на пляжи Загульбы или Бузовнов.

В 50 – е годы началось резкое понижение уровня Каспия, море мелело, в те же годы увеличивалась добыча нефти в море, всё большие площади поверхности воды покрывались нефтяными пятнами, даже в дни, когда норд дул с берега в море. Сваи, на которых стояли купальни, «вылезали» из воды, пол бассейнов поднимался и оказался над водой.

В 1964 году приехав в Баку, купален я не застал, их снесли. Тридцать пять лет купальный комплекс в центре города, радовал в жару бакинцев, выручал, не имевших времени поехать на апшеронские пляжи. Бакинцам осталось лишь вспоминать, как в жаркие летние вечера прогуливались по эстакаде, отдыхали на скамейках вдоль ограждения, сидели в кафе или шашлычной, играли на бильярде. На эстакаде работали буфеты, подавали бочковое пиво и красное вино «Алшараб», а главное – всегда было прохладнее, чем в аллеях бульвара.

В конце сороковых – начале пятидесятых годов в Баку появились стилиаги. Пацаны, преимущественно из богатых семей, всегда ультрамодно одетые, имеющие карманные деньги. У наших дворовых мальчишек, стремившихся им подражать, но не имевших материальной возможности приобрести пестрый галстук с пальмой и обезьяной, сузить единственные приличные брюки до дудочки, экипировка была скромнее, но, как могли стремились подражать стилиагам.

Разговаривали стилиаги на особом сленге, щеголяли английскими словами и выражениями, напевали джазовые мелодии, на перемене показывали движения, из входящего в моду, рок-н-ролла.

Школы были отдельными для девочек и мальчиков, и покрасоваться перед девчонками возможностей не имели. Зато на вечерах танцев, что устраивались по особым дням в ТЮЗе, ДК Двадцати шести бакинских комиссаров, клубах МВД, медицинских работников на площади Азнефти, куда приходили и девчонки, оттягивались по полной. Демонстрировали модные танцы и яркую одежду, удивляли девчонок своим английским, курили контрабандные американские сигареты «Кэмэл» из Ирана.

Либеральные партийные идеологи появление стилиаг объясняли стихийным протестом послевоенной молодежи против единообразия в одежде и стиле жизни, стереотипов поведения, принятых тогда в обществе.

Комсомольские активисты на собраниях клеймили «отщепенцев», поклонявшихся западной культуре, не участвовавших в общественной жизни школы, и цитировали, по поводу и без повода, цитату из газеты «Правда». «Сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст».

У калитки из нашего двора на Верхне – Бульварную улицу, сидела армянка, сколько себя помню, торгующая саккизом (жвачкой) и семечками. Как-то она продала моему приятелю Виктору плиточку саккиза, то ли с отломанным краем, то ли надкушенным. Все требования Виктора заменить игнорировала, и тогда мы решили проучить, отвадить от неё покупателей нашей улицы. Я вспомнил похожую историю в Похлу Даре, рассказанную другом детства Володей, и передал Виктору. Тот купил у бабки маленький стаканчик семечек, принес домой, выбрал семечки покрупнее, расщепил их, каждое зернышко покрасил химическим карандашом, посплюнув его предварительно, вложил в скорлупу и заклеил. Снова пошел к бабке, на этот

раз с Чингизом покупать семечки. Оба запрятали меж пальцев по несколько крашенных семечек, и умудрились залезть в её мешочек, смешать с остальными. Вот потеха была потом, когда покупатели возмущались фиолетовым языком и губами.

Еще одно общее для пацанов двора развлечение. Если мы не на Бульваре, то гуляем по Бродвею — Торговой, уже тогда Низами. Идем толпой. Остановимся, выберем окно или балкон на четвертом – пятом этаже, и, задрав головы, смотрит наверх, время от времени восклицая. О – о, а! Ара, ты подобное видел, а? Вай – вай! Собирается толпа, все тоже смотрят, спрашивают друг у друга, что случилось, а мы тем временем пройдем дальше и смотрим издали на собравшуюся толпу, хохочем.

Чего только не вытворяли на Торговой – самой знаменитой бакинской улице! Любое происшествие, необычная история, случившаяся в городе, тут же облетала всю Торговую. Вечерами на улице собирались тысячи человек, и большинство друг друга знали! Путь от кинотеатра «Низами» до кинотеатра «Азербайджан» занимал около часа. И не просто прогуливались, общаясь меж собой, со встреченными друзьями и знакомыми.

Со всеми встречными следовало поздороваться, поговорить, или хотя бы просто пожать руку «Привет, чувак!» Это был вечерний ритуал. На Торговой все понимали друг друга с полуслова. Не одну пару обуви истёр там я со сверстниками!

А какие красивые чувихи встречались на Торговой! К девушкам всегда относились с уважением, но бывало к кому-то из них тоже пристанем.

Взрослым я понял, Баку – город, располагающий к пешим прогулкам, как Санкт-Петербург или Париж.

Была и фирменная арменикендская хохма. Выберем дяденьку приличного вида, желательно в шляпе, с портфелем, и выстроимся цепочкой ему в затылок. Так и идем. Встречные улыбаются, показывают на него. Он недоумевает, но обернуться назад не догадывается, а за ним нога в ногу шагает цепочка уже человек в двадцать, постоянно присоединяются всё новые чуваки и чувихи. Ржачка на всю улицу. Пока кто-нибудь из сердобольных, не покажет знаками дяденьке обернуться. Цепочка рассыпается в стороны.

Денежная реформа 1947 года

Довелось пережить и стать свидетелем всех денежных реформ СССР и РФ. Начну с первой – послевоенной, 1947 года.

После войны в денежном обращении страны скопилось огромное количество фальшивых купюр, профессионально изготовленных немцами и отечественными фальшивомонетчиками. Люди ждали, что деньги заменят, гадали, когда и как.

Однажды вечером, в конце лета 1947 года я поздно вернулся со двора домой, и осторожно пробирался в комнату, чтобы бабушка не заметила, когда вернулся. Из полуприкрытой двери на кухню, услышал голоса мамы, рано вернувшейся с работы, бабушки и соседки. Они бурно обсуждали слухи о грядущей вскоре денежной реформе. Одиннадцатилетнего пацана они не интересовали, тем более, что тему слухов представлял смутно. Позже, за ужином, бабушка с мамой вернулись к разговору о фальшивомонетчиках. Я спросил, какой смысл делать фальшивые монеты, это же не выгодно. Построили бы печатный станок и печатали красные тридцати рублевки и зеленые пятидесятки. Бабушка объяснила, с давних времен, когда монеты были золотыми и серебряными, а бумажных денег еще не придумали, преступников, изготавливающих фальшивые деньги, называют фальшивомонетчиками. При современных ценах на металлических монетах не разбогатеешь. Я, правда, разбогател, но позже, уже с началом реформы.

В тайне от населения, планы денежной реформы сохранить не удалось. Предстоящий обмен денег разросся слухами и подробностями. У кого вклады в сберкассе, им поменяют деньги, один к одному. Слух подтвердили и в совнаркомовской столовой, где мама продолжала обедать. Народ бросился штурмовать сберкассы. Огромные очереди желающих положить деньги на сберкнижку, не вмещались в помещении и вытягивались на улице, тянулись на пол квартала. Все, у кого деньги хранились в домашних тайниках, «в кубышке», не успели положить их на сберкнижку, как новые слухи принесли очередную информацию о денежной реформе. Один к одному будут менять лишь тем, у кого на счету меньше 3 тысяч. У кого сумма от 3 до 10 тысяч рублей, останутся на книжке лишь две трети первоначальной суммы. Тем, у кого больше 10 тысяч, оставят треть суммы. Люди же, жившие от получки до получки, и не имеющие никаких накоплений, и те, кто хранил деньги дома, при обмене получают один новый рубль за десять старых. Очереди в сберкассы удвоились, теперь вкладчики изымали крупные вклады, а затем открывали новые счета на родственников и знакомых мелкими суммами в разных сберкассах. Кто в войну нажил на спекуляциях, и рисковали лишиться больших сумм, бросились в комиссионные магазины и на «Кубинку», главный рынок Азербайджана, скупать золото, драгоценности, старинные часы, охотничьи ружья, мебель, мотоциклы, велосипеды, панически все подряд.

Обмен наличных денег проводился всего в течение одной недели, с 16 декабря 1947 года. Обменивались бумажные купюры, а все монеты сохранялись, увеличив свою стоимость в 10 раз. Я уже писал, что в результате реформы я разбогател, а случилось это благодаря моей копилке в виде розового керамического поросенка, куда взрослые время от времени бросали по монетке. Бывало, и я опускал, сэкономленные от мороженого или школьного завтрака, монетки, но чаще, помню, вставлял нож в щель, на спине поросенка – копилки, и, встряхивая, с помощью ножа, вытаскивал несколько монет. В первый день торговли по новым ценам, родители разрешили разбить копилку, и достать накопленное богатство. За годы накопилась внушительная сумма, порядка двадцати рублей, – по новому курсу около двух сот. Я немедленно поехал в город, на Парапет, на угол Кривой, в магазин КОГИЗа. Здесь всегда был большой выбор марок для коллекции. Они продавались сериями, от двух – трех, до десяти марок, объединенных общей темой, в пакетах с лейбом, как теперь сказали бы, «Филателия». Стоили

обычно от сорока – восьмидесяти копеек до полутора – двух рублей. В магазине у меня разбежались глаза от возможности расширить мою коллекцию новыми сериями, добавить темы, которые уже имелись.

Одновременно с денежной реформой, правительство отменило карточную систему снабжения населения продовольственными и промышленными товарами, введенную с началом войны в 1941 году.

Я заглянул в несколько советских и постперестроечных Энциклопедий, вспомнить о ценах в те годы. После отмены карточек в конце 1947 года, при зарплатах большинства городского населения от 500 до 1000 рублей, килограмм ржаного хлеба стоил 3 рубля, пшеничного – 4 рубля 40 копеек, килограмм гречки – 12 рублей, сахара —15 рублей, сливочного масла – 64 рубля, подсолнечного масла —30 рублей, мороженого судака – 12 рублей, пакет кофе — 75 рублей; литр молока – 3 – 4 рубля; десяток яиц – 12 – 16 рублей (в зависимости от категории, которых было три); бутылка «Жигулевского» пива – 7 рублей; пол-литровая бутылка «Московской» водки – 60 рублей. На рынке, по словам бабушки, денежная реформа не сказалась. Как стоил пучок щавеля рубль, так и на новые деньги столько же.

В истине бабушкиной информации, я убедился, будучи взрослым. После всех денежных реформ, на базаре зелень, недорогие овощи и прочая мелочь остались в старых ценах.

Новую денежную реформу, 1 января 1961 года, хрущевскую, родители считали самой гуманной. Наличные деньги обменивались без ограничений по коэффициенту за 10 старых рублей – один новый рубль. Мелкая металлическая монета номиналом 1, 2, 3 копейки не уменьшилась в стоимости, продолжила ходить по тому же номиналу.

Следующая денежная реформа – шок, потрясение. Других определений не подобрать. Проходила ровно через тридцать лет, в 1991 году, и назвали её Павловской, по имени Министра финансов СССР В.С.Павлова. В течение трех суток января позволялось обменять 50 и 100 рублевые купюры на новые, но лишь наличными до 1000 руб. В Сберкассе с вклада разрешалось снять 500 руб. новыми. По заявлению правительства, эта мера должна была заморозить нетрудовые доходы спекулянтов и теневого бизнеса, остановить инфляцию. Одновременно в Сбербанке заморозили вклады граждан, на них начислялось 40 процентов, но наличные разрешалось получить лишь в следующем году.

Павловская реформа привела к гиперинфляции, достигнув в 1992 года более двух с половиной тысяч процентов, обесценила сбережения граждан в Сбербанке, разорила накопленное годами. Советский Союз к этому времени уже не существовал, а деньги в обращении находились советские. Поэтому, а на самом деле, главным образом, из – за всё возрастающей инфляции, в 1993 году Российское правительство провело новую денежную реформу. Конфискационную.

С 26 июля по 7 августа 1993 года проводился обмен банкнот советских купюр на российские. Граждане России, только по прописке в паспорте, могли обменять суммы до 100 тысяч рублей, в паспорте ставилась отметка. Проходила реформа в период отпусков, многие люди оказались вдали от места прописки и не успели обменять свои сбережения. Деньги их пропали.

«Хотели, как лучше, а получилось как всегда» – произнес знаменитую фразу Виктор Черномырдин, премьер-министр Российской Федерации, 6 августа 1993 г. на пресс-конференции, рассказывая, как готовилась денежная реформа 1993 года. Фраза с тех пор стала крылатой и превратилась в афоризм, характеризующий повседневную постсоветскую жизнь.

Но и с реформой 1993 года манипуляции с денежными накоплениями советских людей не закончились. С 1 января 1998 года правительство и Центральный Банк начали деноминацию рубля. Теперь один новый рубль равнялся 1000 старым рублям. В течение всего 1998 года параллельно обращались старые и новые деньги, цены в магазинах указывались как в старых, так и в новых деньгах. На промышленные товары в большинстве магазинов цены назывались в УЕ – условных единицах, то есть в долларах.

7 августа 1998 года правительство объявило дефолт по внутренним обязательствам, и курс рубля резко упал по отношению к иностранным валютам. Эти два события 1998 года отстоят друг от друга более, чем на полгода, но люди связывают их между собой.

На сегодняшних денежных купюрах, которыми мы пользуемся, указан 1997 год, т.к. они выпускаются Банком России с 1997 года, хотя введены в обращение с 1 января 1998 года.

Но вернемся к первой после военной денежной реформе 1947 года, от которой воспоминания перенесли меня на десятилетия вперед.

К новому году, я с мамой и папой, поехали за покупками, и посмотреть открытый после отмены карточек, самый большой гастроном Баку, на Ольгинской. Само здание, построенное до революции, внутренний интерьер и сегодня, через сто лет после открытия, поражает величием и красотой, а после скромных витрин военных и первых послевоенных лет, здесь оказывался в сказке. Молодые красавицы – продавщицы в кружевных наколках и крахмальных передниках, живые рыбы, плавающие в витринах – аквариумах, кольца копченых колбас, пирамиды из оранжевых мандаринов, красные и желтые круги голландских сыров, неподъемные белые сахарные головы, печенье и конфеты всех видов и пирожные. Всё это, с отменой карточек, стало доступно, можно было купить.

Мы купили понемногу несколько сортов конфет в красивых обертках – фантиках, колотый сахар – рафинад из головы; голландский сыр с красной корочкой, нам нарезали проволокой, натянутой между двумя ручками. Папа вспомнил, что до войны здесь славились пирожные «Наполеон». Взяли, и тут же оценили за круглым мраморным столиком. Я потребовал повторения, так понравилось пирожное. Став старше, я уже сам баловал себя, когда в кармане скапливалась мелочь. Стоило пирожное, помнится, 22 копейки. Встречаясь с девушками в институтские годы, перед обязательным визитом на Бульвар, по дороге и обратно, мы обязательно заходили в магазин, полакомиться пирожными «Наполеон», выпить ледяной молочный коктейль.

Не знаю, как теперь в Баку, а в России после открытия куриной болезни сальмонеллёза, опасной для человека, в «Наполеоне» больше не используют сырые яйца, заменяя их сгущенкой и другими суррогатами. А потому настоящим «Наполеоном» не полакомишься.

Было время и цены снижали...

Строчка из популярной песни Владимира Высоцкого. Эта его песня, как никакое другое художественное или публицистическое произведение, в три минуты позволяет концентрировано рассказать о всех сторонах жизни в СССР с первых послевоенных лет до 80-х. Здесь вся наша жизнь того времени.

...«Все жили вровень, скромно так: система коридорная, на тридцать восемь комнаток всего одна уборная...

...Когда срока огромные брели в этапы длинные...

...И плевал я, здоровый трехлетка, на воздушную эту тревогу... И народ зажигалки тушил...

...Мы одна семья ...Вы тоже пострадавшие, а значит обрусевшие. Мои – без вести павшие, твои – безвинно севшие...

...Коридоры кончаются стенкой, тоннели выводят на свет...

...И вот ушли романтики из подворотен ворами...

...Было время и были подвалы, было дело и цены снижали...»

Я уже писал, партийные отделы пропаганды при Сталине работали очень эффективно. При всех последующих правителях страны, реальное их влияние на обывателя не было столь высоко. Примером стало и ежегодное «сталинское» демонстративное снижение цен на продукты и промышленные товары в 1948 – 1954 годы.

Возможностям этим способствовало отсутствие товаров, а у людей не было денег. Одновременно резко повысили налоги, и, самое запомнившееся мне – папану, лотерейные билеты, так называемых добровольных займов, на которые принудительно подписывали всех работающих. На сумму не менее месячной зарплаты, объяснила мама. Несмотря на обещания властей, эти займы народу так и не вернули. Годы спустя, разбирая родительский архив, нашел объемистый пакет облигаций «добровольных займов» за многие годы.

Заканчивался 1947 год, второй послевоенный год. В стране продолжался голод, однако, с проведением денежной реформы, отменили и карточную систему. Перед отменой, подняли цены на товары, получаемые по карточкам. Это позволило с 1948 по 1954 – й годы в марте – апреле регулярно снижать цены. В целом за период с 1947 по 1954 государственные розничные цены снизились на продовольственные товары в 2,6 раза, а на непродовольственные – в 1,9 раза. В результате заметно выросла покупательская способность рубля, но только по сравнению с декабрем 1947. Уровень жизни советских людей несколько улучшился, люди почувствовали реальное облегчение. Однако, по свидетельству экономистов, в 1948 г. реальные зарплаты в среднем были на 20 процентов ниже довоенного уровня, а реальные доходы сельского населения даже в 1952 году, оставались на 40 процентов ниже уровня 1928 года.

Когда государство само устанавливает цены, их снижение нарушает соотношение магазинной цены и себестоимости производства, что обостряет товарный дефицит. В 40 – е годы низкие цены на многие виды продукции, не соответствовали экономическим возможностям государства, но партийное руководство страны не могло позволить назначить бедному населению реальные цены. В результате дешевые товары из магазинов переходили в руки спекулянтов и продавались теперь на рынках в три дорога. Однако сама тенденция низких цен позитивно воспринималась людьми. В результате установки цен государством, всё советское время люди испытывая дефицит большинства товаров. Дефицит изжили лишь с «перестройкой». К сожалению, не увеличением производства, а заполнив рынок иностранными товарами.

Трофейные фильмы

В конце сороковых – начале пятидесятых годов, пришло счастливое время – советским людям познакомиться с мировой киноклассикой. Каждую неделю на экраны страны выходил новый фильм. Что это за фильмы были! Для пацанов, да и взрослых, окно в другой мир! Мир непобедимых героев – одиночек, светских красавиц и красавцев, мир приключений, пиратов, ковбоев, золотоискателей, всяких авантюристов. «Сети шпионажа», серии о Тарзане, «Королевские пираты», «Под кардинальской мантией», «Судьба солдата в Америке», «Охотники за каучуком», «Граф Монте-Кристо», «Касабланка» и много – много еще других, перечислять не хватит страниц.

Для взрослой, продвинутой аудитории, развлекательные и познавательные фильмы с участием знаменитых певцов Джильи и Карузо, «Мост Ватерлоо» с Вивьен Ли и Робертом Тейлором, «Дама с камелиями» с Гретой Гарбо, «Серенада солнечно долины» с трехкратной олимпийской чемпионкой по фигурному катанию, норвежкой Сони Хени и оркестром Гленна Миллера. Среди трофейных фильмов, многие из которых принадлежали американцам, англичанам, французам, музыкальные ревью, биографические фильмы о Рембрандте, Моцарте, Шиллере, экранизации опер «Тоска», «Чио-Чио-сан», флорберовской «Мадам Бовари» и др.

Самым знаменитым из трофейных фильмов, который посмотрели в СССР практически все люди старшего поколения, а также все отцы, матери, дедушки, бабушки и прабабушки сегодняшней молодежи, остается музыкальный фильм режиссера Георга Якоби, снятый в 1944 году, «Девушка моей мечты». Кстати, и сегодня, 80 лет спустя, «Девушку моей мечты», раз в неделю обязательно найдешь в какой-нибудь из телепрограмм отечественного или зарубежного телевидения. Вот уж, поистине фильм всех времен и народов! «Броненосец «Потемкин» Эйзенштейна, конечно, фильм эпохальный, но для узкого круга историков кино и искусствоведов, а «Девушка моей мечты» для всех.

Помню, в Баку, он стал первым фильмом, с которым в кинотеатры пришло возрастное ограничение. На «девушку» допускались зрители старше 14 лет. Мне, как и друзьям – одноклассникам, было двенадцать, но все мы разными способами умудрились посмотреть фильм по несколько раз, в разных кинотеатрах. Распространен был слух, что в эпизоде купания Марики Рёкк в бочке, в центральных кинотеатрах вырезан момент, когда она поднимается из бочки голой по пояс. Пацаны хотели увидеть именно эти кадры. Какие-то кадры из фильма, наверняка, были вырезаны, но эпизод с купанием не тронут, в чем я убедился, десятилетия спустя, когда получил редкую возможность посмотреть режиссерскую копию фильма.

Мало кто знает, что настоящее цветное кино пришло к нам вместе с германскими трофеями. «Девушка моей мечты», «Белоснежка и семь гномов», «Бемби», «Багдадский вор», «Джунгли» (в оригинале «Книга джунглей»). Правда, последние два фильма, также, как «Леди Гамильтон», не следует относить к трофейным. В годы войны их подарил нашей стране английский режиссер А. Корда, за вклад в борьбу с нацизмом. Позже немцы захватили у нас эти фильмы, поэтому во многих статьях и справочниках молодых авторов, фильмы относят к трофейным.

Борцы, за приоритет всего российского, возразят, что и в СССР до 1948г. снимались цветные фильмы. Снимались, но цвет!.. Фильмы были баснословно дорогими в производстве, снимались трехплёночными кинокамерами, пленки потом совмещали в одну. А немцы с 1925 года цветные фильмы снимали на трехслойной цветной пленке АГФА. Первым советским художественным фильмом, снятым на трофейной пленке АГФА, стал фильм 1948 года «Каменный цветок» режиссера Александра Птушко.

«Трофейное» кино пришло на экраны, в годы, когда СССР лихорадочно создавал собственную атомную бомбу, бюджет остро нуждался в дополнительных деньгах. Соображения

корысти взяли верх над идеологией. С целью пополнения государственного бюджета, в прокат выпустили десятки «буржуйских» фильмов, захваченных Красной Армией на территории Германии и других европейских стран.

Как пишут киноведы, В. И. Сталин лично смотрел трофейные фильмы, которые можно будет позволить увидеть советскому народу. И все же эти фильмы «испортили» целое поколение советской молодежи, пробудили мечту об иной, не советской жизни. По словам Иосифа Бродского, «одни только четыре серии „Тарзана“ способствовали десталинизации больше, чем все речи Хрущева на XX съезде и впоследствии». Фильмы воспевали культ человека – одиночки.

На экран фильмы выходили анонимно, без титров, зрителям не сообщали имена актеров, режиссера, на студии какой страны снимался фильм. Лишь один титр обязательно присутствовал перед началом фильма: «Этот фильм взят в качестве трофея после разгрома немецко – фашистских войск под Берлином в 1945 году». Афиши предлагали посмотреть зарубежный фильм. Каждая кинокартина, как правило, заряжала положительными, жизнеутверждающими эмоциями, дефицитными в тяжёлые послевоенные годы. Ради этой возможности, люди всей страны простаивали часы в длинных очередях у касс кинотеатров и клубов.

Позже, я узнал, история «трофейного» кино началась не в 1948 году, а после похода Красной Армии в Польшу в сентябре 1939 года. В 1998 году в Петербургском журнале «Нева» публиковались воспоминания эмигрантки второй волны В. А. Пирожковой. Прочитую фрагмент. «Я помню, какой фурор произвели оба американских фильма, ленты которых оказались „военной добычей“ короткого похода в Польшу. Оба фильма были музыкальные, один об Иоганне Штраусе, „Большой вальс“, другой – „100 мужчин и одна девушка“, со знаменитым дирижером Леопольдом Стоковским и Диной Дурбин. Советское кино решило само поставить музыкальный фильм; так появилась „Музыкальная история“ с Лемешевым, но куда ей было до тех двух фильмов!»

Фильм «Большой вальс» пользовался настолько невероятным успехом у советского зрителя, что в 1960 г. его выпустили в прокат второй раз, уже на законных основаниях.

С широким распространением Интернета, если не всю, то почти всю, мировую голливудскую и европейскую киноклассику можно скачать на компьютер и смотреть дома бесчисленное число раз. Сегодня многие фильмы, которые покорили в юности, вызывали восторги, уже не кажутся шедеврами, сюжеты, режиссура и игра актеров порой воспринимаются как примитив. Но главное, в старых фильмах остались человеколюбие, доброта, любовные страсти, общие для всех людей на земле. И еще, не менее важно, впервые эти фильмы мы смотрели молодыми. Они возвращают нас в юность.

Школьные годы

Так случилось, что учиться мне довелось в четырех школах. Первые четыре класса закончил в школе №42, одноэтажном здании, бывшем когда-то религиозным заведением и частично разрушенном, перестроенном перед войной. Девочки и мальчики учились отдельно. Школа находилась ближе других к нашему дому и меня отдали туда. Шла война, отца не было, мама днями и ночами пропадала на работе в Совнаркоме, больные бабушкины ноги не позволяли возить меня в ближайшую мужскую уважаемую школу №160, до которой две остановки на трамвае и еще километр пешком. Впрочем, и в своей школе подготовку я получил не хуже. Продолжал учебу в школе №47 – на седьмой или девятой Нагорной. Четырехэтажное каменное здание, лишь недавно возвращенное школе после госпиталя военных лет. Здесь я проучился года полтора, а потом вынужден был на время перейти в школу №142, нашего Дзержинского района, при которой имелся санаторий для слабых здоровьем детей. Я себя не считал слабым, но врачи нашли затемнение в легких, и рекомендовали усиленное питание, постоянно находиться под их наблюдением. В санатории при школе мне довелось пробыть счастливых три или четыре, месяца. Воспитательница – наставница, после медицинских процедур и принятия лекарств, проверив уроки, отпускала гулять в огромный двор при школе, и мы были предоставлены самим себе. Заняться было чем. Футбольное поле, постоянно натянутая волейбольная сетка, и всегда много пацанов моего возраста из ближних домов и школы, санатория. Напротив, школы, через щель в заборе, парк имени Дзержинского с парашютной вышкой, множеством площадок для детских игр, разными аттракционами, сохранившимися с довоенных лет. Нам, мальчишкам нравилось подниматься на самый верх 50 – ти метровой вышки, что-то бросить оттуда и следить за полетом. Какое-то время увлеклись бросать с самого верха часть своей одежды или носовой платок, следить, как они медленно планировали над парком, опускаясь на асфальт. Мне не повезло. Сброшенная майка, полетала, а потом, подхваченная ветром, вдруг вернулась обратно и повисла на одной из нижних крепежных перекладин парашютной вышки, на высоте метров десять. Достать её – никакой возможности, и, тогда вся наша ватага санаторских и присоединившихся одноклассников, принялась кидать куски кира (асфальта) в надежде заставить майку свалиться с перекладины. После долгих и безуспешных попыток, сбить её с перекладины, майка все же освободилась и спикировала на землю. Больше я никогда ничего не сбрасывал с вышки.

Из санаторного времени мне больше всего понравился 6 класс, в который я ходил. После окончания санаторного срока, я уговорил родителей оставить меня учиться и дальше в этой школе. К этому времени наша семья переехала в собственную квартиру на Нижне – Бульварную, в 643-й квартал. Это был шикарный, самый высокий по тем временам, восьмиэтажный дом, правда, без лифта. Дом артистов и работников Бакгидэпа, где работал папа, после демобилизации. Здание заложили еще до войны для работников искусств, но построить не успели. После войны достроить не нашли средств и привлекли в компаньоны строителей Мингечаурской ГЭС, у которых деньги в избытке. На деньги гидростроителей и завершили строительство дома. Папа в Бакгидэпе курировал строительство Мингечаурской гидроэлектростанции, и получил квартиру. Из знаменитостей в доме поселился известный всей стране, и, особенно любимый в Баку, Рашид Бейбутов, знаменитый в будущем художник Таир Салахов, если не ошибаюсь, композитор Фикрет Амиров, много известных бакинских знаменитостей.

В 2014 году, я в последний раз посетил Баку и зашел в бывший свой дом. Никого из друзей детства не нашел. Кто-то перебрался в центр, ближе к Бульвару, многих судьба разбросала по просторам бывшего СССР. Дом перестал быть знаменитым. В городе, на берегу моря возведены современные, более шикарные и благоустроенные дома, где теперь живут бакинские знаменитости. И только улицы вокруг моего дома, неоднократно переименованные, сохранили

память о знаменитых деятелях искусства и культуры – проспекты Самеда Вургуня, Рашида Бейбутова, Вагифа, Бакиханова. Через улицу выросло здание турецкого посольства, и в нашем дворе поставили памятник первому турецкому Премьеру Ататюрку.

Но я отвлекся от школьных воспоминаний. Шестой, седьмой и начало восьмого я продолжал учиться в школе №142.

Из новой квартиры путь в школу не близкий – километра два с половиной – три, но дорога не напрягала, как сказали бы теперь. Матерчатые сумки от противогазов, вместо портфелей, как в первых классах, теперь заменили картонные портфели, оклеенные тканью, больше похожие на небольшой чемодан. У меня был настоящий кожаный довоенный портфель, правда, слегка потрепанный, с пятнами протертой краски. Не было нужды носить с собой стеклянную чернильницу – непроливайку в затягивающемся веревочкой матерчатом мешочке, который со временем, вне зависимости от цвета ткани, приобретал фиолетовый цвет чернил. В новой школе чернильницы хранились в классе и дежурные перед первым уроком устанавливали их на партах.

В памяти остались приятные, наполненные каждодневными открытиями, радостные воспоминания о детстве. Я проходил по нашей Нижне – Бульварной улице, мимо знакомых кварталов 225, 648, мимо «Третьего сада», где началось строительство детской железной дороги, а затем через просветы в колючей проволоки, попадал в оливковую рощу. Мимо оливковых кустов спускался с косогора в школу. Весь путь, не спеша, проходил за сорок – сорок пять минут, и никогда не опаздывал. Подробно останавливаюсь на описании дороги, чтобы напомнить сверстникам об оливковой роще, где еще в 1949 году, со времен войны располагалась воинская часть противовоздушной обороны с акустическими системами обнаружения вражеских самолетов. Среди оливковых кустов, не замаскированными, на автомобильных платформах, стояли по четыре соединенных между собой движущихся рупоров с приборами усиления звука и анализа поступающих шумов. Звукоулавливатели работали синхронно с прожекторами, стоящими недалеко. Ночью, по звукам с неба, они должны были найти и высветить вражеский самолет. Ловили его в перекресток лучей нескольких прожекторов, и артиллеристы отлично видели цель.

Вспоминаю, и удивляюсь, я проходил в десяти метрах от этих приборов, рассматривал живые напоминания о войне, и солдаты не останавливали, не арестовывали, не отгоняли от своей техники. Ни меня, ни ватаги пацанов, навещающих в рощу рвать зеленые оливки – отличные пули для стрельбы на уроках. В 1949 году солдаты расслабились и не ждали чужих самолетов, или шпионов в облике мальчишек.

Встреча с профессией фотографа

Я учился в седьмом классе, когда тетя Сима, разбирая сундук с разным старьем и ненужными вещами из тридцатых годов, которые жаль выбросить, наткнулась на футляр от аппарата «Фотокор – 1». Где сам фотоаппарат, Сима не помнила, скорее всего продали в первые месяцы войны. Футляр она отдала мне, я в нем хранил какие-то свои мелочи, а потом поменял на подшпники для самоката. Кроме великолепного дорогого футляра от фотоаппарата, полезными для меня оказались небольшой фонарь с красным стеклом, коробка не использованных стеклянных негативов 9 x 12 см. Несколько пачек фотобумаги, пакетики с проявителями и закрепителями, разными химикатами. Нашлись и с десяток готовых негативов на стекле, на них снимки незнакомых Симе людей.

Все это богатство, которое Сима собиралась выбросить, я перенес к себе на новую квартиру. Первая реакция мамы, зачем принес этот хлам, своего мусора мало? Папа со старшим братом в детстве недолго увлекавшийся фотографией, посоветовал развести химикаты, и, если фотобумага полностью не испортилась, попробовать напечатать негативы, посмотреть, кто на снимках, может, там и брат мамы, который всё еще находился в ГУЛАГе.

Пользуясь его советами, я развел проявитель и закрепитель, заперся в ванной комнате, включил красный фонарь, достал фотобумагу, положил под негатив, включил на полминуты свет, а затем опустил бумагу в тарелку с проявителем. Не прошло и минуты, как началось чудо. На бумаге стало появляться изображение трех человек. Папа через дверь крикнул мне, чтобы я под крапом помыл снимок, только потом положил в тарелку с закрепителем.

Так мое знакомство с будущей профессией фотографа состоялось не как у всех – с фотоаппарата, нажатием кнопки затвора, а с печати чужих снимков. Фотобумага, произведенная в год моего рождения, через 14 лет оказалась вполне пригодной для печати приличного вида снимков. В следующий сеанс я отпечатал и остальные негативы, около полутора десятков. Снимки неплохого качества мы рассматривали всей семьей, показали Симе. Никого знакомых не узнали. Сам процесс фотопечати так понравился, что я стал клянуть у папы купить мне фотоаппарат. Мама и тетя Сима поддержали, и мне купили за 90 рублей первый советский послевоенный аппарат «Комсомолец». Он выпускался с 1946 года и был разработан на базе немецкого среднеформатного двух объективного фотоаппарата 1930-х годов Voigtländer Brilliant. Размер кадра 6 x 6 сантиметров и первые несколько лет я печатал фотографии только контактным способом, пока родители не разорились на фотоувеличитель.

Через полгода мой «Комсомолец», заменил фотоаппарат «Любитель – 2». Зеркальный двух объективный аппарат, позволяющий наводить резкость будущему снимку, в отличие от «Комсомольца», где резкость достигалась умением определить точное расстояние до снимаемого объекта. В магазинах в конце 40 – х годов продавалась великолепная недорогая немецкая пленка «Agfa» и «Декоран», фотобумага «Мимоза» в желтых пакетах, которые поставлялись в СССР по репарациям из Германии. Самостоятельно, без родительских советов, покупал и выписывал через «Книга – почтой» разные фотографические справочники и наставления, о которых узнавал из объявлений в газетах «Советская культура и литература», «Комсомольской правды» и других. Родители всю жизнь выписывали массу журналов и книг. На сочинения русской и советской классики, подписка не ограничивалась. В те годы газеты и книги были недорогими. Подавляющая масса книголюбов жила в коммуналках, и не имела возможностей собирать литературу. Пользовались библиотеками. Лишь с началом хрущевских реформ в строительстве, когда по всей стране начали возводить панельные пятиэтажки – хрущобы, люди въезжали в собственные квартиры, замаячили первые предвестники наступления книжного дефицита.

Продолжу о фотографии. Я приобрел аптекарские весы и теперь, не только пользовался готовыми пакетиками химикатов для обработки пленки и бумаги, но и сам составлял растворы для работы из отдельных химикатов, благо в магазинах все их можно было купить. Из книг заинтересовался гидротипным способом цветной печати. Он оказался очень трудоемким и занимал много времени. Гидротипия – это печать с трех черно-белых негативов через соответствующие светофильтры и потом раскраска анилиновыми или другими красителями. Ко времени, моего увлечения, уже можно было обходиться без трех негативов, выпускалась многоцветная негативная пленка, которую следовало печатать через корректирующие светофильтры на специальную бумагу «Фотоцвет». Перед этим приходилось долго подбирать набор светофильтров по цвету и процентам пропускания. Мои первые цветные фотографии 50 – х годов получались не яркими и не контрастными. Помучившись несколько недель, я забросил это увлечение, сосредоточившись на черно-белой фотографии. В 70 – х годах, когда уже имел приличную дорогую аппаратуру и автоматические корректоры цвета при печати, я попытался вновь заняться цветной фотографией. Несколько месяцев хватило, навсегда отбить желание. Тем более, с 1971 года до начала Перестройки, я получил редкую возможность получать по подписке главный журнал, всех фотолюбителей стран социалистического лагеря, чешское «Фото ревью». В нем печатались черно – белые снимки. Свои фотографии я стал рассылать по газетам и журналам, еще в девятом классе. Хвалили за композиции, ругали за качество, и очень редко печатали. Лишь в институтские годы и позже, когда у меня появилась приличная оптика и фотоаппараты, печатать стали чаще. Мои фотографии участвовали в разных конкурсах: республиканских и городских, экспонировались на выставках, правда, наград, кроме поощрительных премий и грамот не получали. Деньги приносили неплохие. Моя техника, наконец, позволяла получать качественные снимки, о которых раньше лишь мечтал. Критерием качества у моих коллег считалась возможность с негатива 6 x 6 сантиметров, напечатать снимок группы, человек двадцать – двадцать пять, такого размера, чтобы лицо каждого в 20 – копеечную монету хорошо выглядело, было резким.

Фото принадлежности, которые я назвал богатством, и принес в 1949 году от тети Симы, принадлежали брату мамы и Симы, – Анатолию, арестованному в 1937 году в Москве. Сима часть его вещей перевезла к себе в Баку на хранение, веруя что НКВД разберется в невиновности брата, и его отпустят.

Отпустили его, реабилитировав, лишь в 1954 году. Фотоаппарат Фотокор-1», как позже выяснилось, не продали, Анатолий до ареста успел отдать его кому-то из друзей, и он сохранился. Сегодня семейная реликвия у его дочери Татьяны, моей двоюродной сестры, в Киеве. Я бывал у неё, а в последние годы мы регулярно общаемся по Скайпу

И все – таки, фотография всегда оставалась моим хобби, а не профессией. В 1968 году пришлось полгода поработать штатным фотокорреспондентом в городской газете «Жигулевский рабочий». В каждый номер требовались три, а то и пять моих фотографий. Через несколько месяцев я уже использовал все возможные композиции и ракурсы снимков передовиков производства. А снимал я преимущественно только их. Водитель за баранкой или на ступеньке своей машины у приоткрытой двери, слесарь крутит какой-то вентиль, сварщик снимает или надевает маску, бетонщик с вибратором, врач со стетоскопом на шее или слушает больного, учитель с книгой в руках, и подобные сюжеты, которые были у меня уже в печенках. При таком ритме постоянной потребности новых снимков в газету, придумать что-то новое невозможно. В городе было несколько заводов, четыре-пять больших предприятий и всё. Практически, я скоро поснимал всех передовиков. Каждодневная поденщина, однообразные сюжеты, настолько достали, что при первой возможности, я вернулся к литературной работе, хотя работу в газете называть литературной, большая натяжка. А фотографию забросил, так она мне осточертела.

Лишь через много лет фотоаппарат снова оказался в моих руках. Путешествия с женой и детьми по Волге, по Азову, в Крыму и Сибири, интересные места просились запечатлеть их в семейном альбоме и на киноплёнке.

Широкое внедрение в практику цветного процесса «Кодак», в начале 90 – х, изобретение карманного фотоаппарата «мыльницы», повсеместно открытые лаборатории печати снимков, совершили революционный переворот в практическом использовании фотоаппарата. Его взяли в руки все желающие. У меня интерес, к когда-то любимому искусству, угасал из года в год. Массовое развитие Интернета и цифровая фотография с «Фотошопом» вскоре отправили в небытие и «Кодак». «Профессиональными фотографами» стали не только владельцы «мыльниц», а и все имеющие мобильные телефоны.

142-ая школа и новые товарищи мне очень нравились, и я бы доучился в ней до Аттестата. Но вновь вмешалась судьба. Из сталинских лагерей вернулась мама моего папы, Ванда Эдуардовны Михайлова. Жить в Баку врагу народа, после освобождения из заключения, законы того времени не позволяли. А где жить, если кроме сына, других родственников у бабушки не осталось?

После демобилизации из армии, я уже писал, папа работал руководителем группы инженеров – проектировщиков в Бакинском филиале Всесоюзного Государственного проектно-изыскательского треста «Гидроэнергопроект», сокращенно – Бакгидэпе. (С1957 года – Всесоюзный проектно-изыскательский и научно-исследовательский институт «Гидропроект» имени С. Я. Жука). Он курировал строительство Мингечаурской ГЭС на реке Куре. Подолгу бывал в командировках в городе Мингечауре, рождающемся с гидроэлектростанцией. В ведомственном доме ему выдели небольшую комнатенку, куда он и поселил мать.

Бабушке было уже за семьдесят, жить одной, обслуживать себя, не просто. Вот и родилась идея поселить временно и меня в Мингечауре, тем более в школе у меня возник конфликт с преподавателем азербайджанского языка. Чтобы не оставил на второй год, требовалось регулярно платить ему. Как-то, вызвав в школу отца, он открытым текстом пожаловался, у него прохудились ботинки, и вторая пара не лучше. Отцу пришлось раскошелиться на 150 рублей – столько стоили очень приличные туфли. Честно говоря, азербайджанский язык, как его преподавали в школе, давался мне с трудом. По остальным предметам у меня всегда были пятерки и лишь несколько четверок, по – азербайджанскому обычно выводили спасательную тройку. Язык учили с третьего класса, но я, так и не выучил его, к своему стыду. Не с кем было общаться.

Я уже писал, в 30 – 50 – е годы вплоть до отмены крепостного права и введения всеобщей паспортизации, азербайджанцев в Баку насчитывалось менее трети, все бакинцы отлично владели русским литературным языком. Больше всего в городе жило русских, армян и евреев. Говорить на азербайджанском считалось не престижным. На нем продолжали общаться жители провинций, в районах и селах, хотя их тоже пытались переучить русскому. Таковой долгие годы оставалась сталинская политика по национальному вопросу, её беспрекословно поддерживали местные власти. Подобное положение существовало и в среднеазиатских республиках Советского Союза.

Окружение сверстников во дворе, на улице, в транспорте, общественных местах, нигде не говорили по-азербайджански, иначе я с детства знал хотя бы разговорный язык.

С началом нового учебного года, преподаватель азербайджанского предупредил, что все родители, чьи дети плохо учат язык, должны постоянно ему помогать материально. В XXI веке это называется требованием взятки, коррупцией, по-азербайджански дашбаш. Взятки в Азербайджане во все времена были почти что узаконены, как много позже и в России. Никакую

справку не получишь, не отблагодарив клерка деньгами, а в первое время бутылкой водки, коньяка или хотя бы коробкой конфет. В зависимости от требуемой справки и занимаемой должности чиновника, решающего вопрос. Отец понимал, педагог – вымогатель не остановится на требовании лишь ботинок. На семейном совете проблема постоянных взяток преподавателю азербайджанского, явилась последним аргументом продолжить учебу мне в Мингечауре, присматривая за бабушкой. В будущей школе, узнал папа, отличный преподавательский состав. В большинстве, как и Ванда Эдуардовна, бывшие сидельцы по 58-й статье, не имевшие права жить в столице республики. Так я оказался в Мингечауре, где и доучился до окончания школы в 1953 году. Тогда же смерть Сталина позволила бабушке вернуться в Баку.

Мингечаур

Субботним февральским вечером, мы с отцом, выехали из Баку на поезде, и ранним воскресным утром были в Евлахе, ближайшем к Мингечауру, районном центре на железно – дорожной магистрали Баку – Тбилиси. От рынка в город гидростроителей ходил автобус, и мы с отцом отправились на рынок. Автобусом считались крытые брезентом военные американские грузовики «Студеббекер». Один из них повез нас по деревенской улице к мосту через Куру, затем вырвавшись из населенного пункта на простор, помчался по дороге, обсаженной с двух сторон столетними ореховыми деревьями.

Через час Ванда Эдуардовна, мама папы и моя бабушка, обнимала нас на крыльце одноэтажного деревянного здания с тремя входами, по-бакински, тремя блоками, в каждом по несколько квартир. У Ванды Эдуардовны была однокомнатная клетушка.

В первый же вечер к нам зашел сосед, папин приятель, маркшейдер, Василий Петрович Финицков, из соседнего блока, и позвал нас с отцом на торжества, посвященные дню рождения дочери. Я, было, отнекивался, как идти к незнакомым, да и подарка нет. Как воспитанный городской мальчик, понимал, приходиться без подарка к сверстнице нельзя. А что подарить? Бабушка «обрадовала», что до ближайшего магазина далеко, к тому же, по случаю выходного дня он уже закрыт.

Окинул взглядом книжную полку, ничего, что подарить девчонке, не нашел. В моих вещах на глаза попался геологический компас, выменянный недавно за серию коллекционных марок у дворового приятеля Ленки Дроздова. После недолгих колебаний остановился на нем. Компас и подарил.

Героиня вечера оказалась очаровательной Мальвиной, и я с первого взгляда влюбился. Звали ее Светлана. Всем своим обликом она соответствовала имени. Зря я волновался, что девчонке не понравится подарок. Она искренне обрадовалась. Когда вручал подарок, взрослые шутили: теперь вы никогда не потеряетесь. Мама Светы Екатерина Александровна в шутку заметила: «В будущей жизни, всегда найдете друг друга».

Пока взрослые обсуждали свои дела, сестры Финицковы увлекли меня игрой в карты. В «Дурака», «Пьяницу», «Очко», я играл, а младшая сестра Светланы, Лена, предложила незнакомую мне полудетскую игру в Пиковую Даму. Я быстро понял суть игры, и уже через несколько минут шумными восклицаниями и смехом, мы мешали беседе взрослых.

Оказалось, я буду учиться в одной школе со Светой, и, хотя она моя ровесница, ходит в класс на год младше. Но самое удивительное ждало впереди. Школа оказалась смешанной, девочки и мальчики учились вместе.

В бабушкиной клетушке, рука не поднимается написать – комнате, мы едва разместились на ночь. Я спал на составленных стульях, позаимствованных у соседей, а папа на полу, ночей пять, а потом вернулся в Баку. Я еще несколько месяцев жил с бабушкой в первобытных условиях с удобствами во дворе, пока достраивали папе «финский домик», и мы переехали в нормальную квартиру.

Бабушкин дом стоял на высоком левом берегу Куры, рядом с административным зданием представительства Бакгидэпа. Год выдался необычно снежным, и я с соседскими пацанами Аликом Матвеевым, Рустамом Чекашовым, младшей сестрой Светланы, Леной, изредка и со Светланой, и её подругами, приходившими в гости, катались с горы на самодельных санках. Все свободное время до темноты проводили на горке. В Мингечауре, как и в Баку, в 50 – е годы зимы со снегом выпадали редко, а потому лыж и санок ни у кого не было. В городе – стройке, умельцам изготовить санки – самокат из металлического прута не проблема. Просто

изогнуть прут в форме латинской «U», а затем согнуть еще градусов на сорок пять, и кататься с горок, а по ровной снежной целине, как на самокате, отталкиваясь одной ногой.

Снег долго не продержался, и наши игры переместились во двор, точнее на территорию, окружающую наш перенаселенный дом. Играли в разные игры, Света редко участвовала, и я её видел, только когда ходила за водой к колонке, или в магазин. Папа её на работе, мама побаливала, и ей приходилось делать всю работу по дому.

В возведении гидростанции и города, наряду с советскими людьми, приехавшими в Азербайджан со всего СССР, принимали участие около 6 тысяч военнопленных немцев из лагеря №7444. В Мингечауре они находились с 1947 года и отдельные группы до начала 50 – х годов. Кроме как на ГЭС, они строили первые многоэтажные жилые дома, Дом культуры (Сегодня здание театра, разбивали скверы и парки. Немецкое качество выполненных работ, трудовая дисциплина, для горожан и сегодня остается примером, даже породила своеобразный мем: «Конечно, это ведь немцы строили».

Ни в какое сравнение не шли условия содержания немцем с теми нечеловеческими условиями нахождения в немецком плену советских военнопленных. Немцы могли получать неограниченное количество посылок, раз в месяц писать письма на родину. По официальной статистике, в фашистском плену погибло 58% захваченных русских, немцев в нашем плену погибло только 14,9%.

Годы плена для немцев в Мингечауре, как и для всей нашей страны, были годами голода и нищеты. От холодов и недоедания, тяжелого труда, почти тысяча пленных здесь умерла.

В конце 40-х, начале 50-х годов военнопленных начали отправлять на родину. Их замечали узники ГУЛАГа, работавшие до пуска гидроэлектростанции в эксплуатацию. С развертыванием строительства города и новых промышленных объектов, потребовалась дополнительная рабочая сила, в Мингечаур снова начали приглашать (вербовать) рабочих со всей страны.

Первое жилье для ИТР и вольнонаемных рабочих строилось из сборных домов, поставших из Финляндии, и прозванными «финскими домиками». Такого же типа дома возводились из готовых деревянных деталей, полученных по репарациям из побежденной Германии. Называли их тоже «финскими», по аналогии с домами из Финляндии.

Отцу, подолгу бывавшему в командировках Мингечаура, тоже выделили такой домик, куда мы с Вандой Эдуардовной и переехали. Симпатичный дом под крышей из красной черепицы, с двумя спальнями, кухней, остекленной верандой и несколькими кладовыми. Рядом с домом земельный участок около десяти соток.

Пока жили в одном доме, Свету видел каждый день. Переехав, только в школе, и не часто, учились ведь в разных классах. На переменах изредка обменивались новостями, и я провожал её влюбленными глазами, завидовал мальчишкам, что учились с ней в одном классе и могли все уроки видеть, общаться. В нашей, тогда единственной в городе, школе, Света была признанной первой красавицей. Высокая, стройная, с волосами цвета спелой соломы, она стала моей первой любовью. Света об этом не знала. Признаться, я так никогда и не решился. Мне казалось, я не в ее вкусе, а вздыхал по ней до окончания школы, даже когда влюбился в её одноклассницу Люду Панкратову – гимнастку, выступающую в концертах на клубной сцене в паре с моим приятелем – одноклассником Германом Гаймонсенем, а также соседом по новому дому в Баку. Его отец начальствовал над всем автотранспортом строительства.

Люда Панкратова, казалось, излечила меня от тайных вздыханий, а стоило встретить Свету, как сердце опять начинало учащенно биться.

Подружка Людмилы Тамара Шафиева, тоже занимающаяся в акробатическом цирковом кружке при клубе, недолюбливала меня, настраивала против встреч со мной. Я казался слишком интеллигентным, «воображалой», ей нравились мальчишки проще. В городе Люду называли артисткой и прочили карьеру в цирке. Я отвлекал её от занятий акробатикой.

Каждое свидание я дарил Люде огромные букеты красных роз, которые рвал в питомнике, граничившем с приусадебным участком нашего дома. Честнее, воровал. Колючая проволока отделяла наш огород и сад от питомника, где выращивали саженцы деревьев и цветы, которые «Зеленхоз» высаживал на площадях и улицах города. Розы предназначались городскому начальству на разные юбилеи и праздники. Ночью я перелезал через проволоку и рвал охапки роз, ставил в воду и на следующий вечер приносил к ее дому. Она жила недалеко от меня в финских домиках, ближе к главному шоссе из города. В каждой комнате, и у нас дома, всегда стояли розы. Их запах с той поры всю жизнь напоминает мне о кратковременной дружбе с артисткой – гимнасткой из девятого класса нашей школы, Людмилой Панкратовой.

В Петербурге, у нас во дворе, и рядом, вдоль Брестского бульвара, по которому я каждое утро, при любой погоде и непогоде, совершаю трех – четырех километровый спортивный кросс, высажены кусты садового шиповника, которые цветут с мая до конца сентября и пахнут розами, если растереть пальцами лепестки, что я делаю во время спортивной ходьбы. Особенно сильно пахнут в дождь, напоминают школьные годы и увлечение акробаткой Людмилой. Розы, их запах, переносят меня и сегодня в детство.

Люде возможно, я казался пацаном не её круга. Был слишком стеснителен. Дальше пожатия рук мы долго не позволяли других вольностей. Через несколько месяцев, я, наверное, надоел ей, и она переключилась на моего близкого приятеля одноклассника – Юру Моисеева. Юрка на два года старше меня, вырос в тамбовской глубинке, привык к простоте в общении с девчонками. Смеялся над моими целомудренными ухаживаниями с записками и розами. На третью встречу полез лапать Люду, пытался целовать. В ответ получил затрещину и полный отворот. Люда оказалась порядочной и скромной девчонкой. Я не ошибся в выборе, влюбившись в неё. Судьба её, к сожалению, мне не известна.

Светлану я продолжал любить, короткое увлечение артисткой, как пришло неожиданно, так же легко и спокойно закончилось. Позже я еще не раз влюблялся, а первая школьная любовь продолжала сниться, не забывалась, с годами всё больше идеализировалась. Продолжал надеяться, обязательно мы будем вместе. Найти друг друга поможет компас. Теперь сожалею, что в свое время не решился открыться Светлане в своих чувствах. Трудно было признаться четырнадцатилетнему мальчишке, твердо придерживающегося дворовой пацанской морали, хотя и воспитанного в семье интеллигентов и на книгах.

После службы в армии, приехав в Красноярск, я узнал, семья Финицковых с пуском Мингечаурской ГЭС, тоже перебралась в Сибирь. Василия Петровича, как и моего папу, влекла романтика, новые стройки. Света к этому времени успела окончить строительный институт, архитектор, вышла замуж и живет здесь же, в Красноярске.

Мне бы найти её и встретиться, а я опять не решился. Кто я, чего добился в жизни? В двух институтах учился и не доучился, простой работяга. Решил отложить встречу. Не отказаться совсем, а перенести. Достичь вначале достойного положения в жизни, закончить Университет.

Шли годы, я продолжал вспоминать школьные годы, Мингечаур, Светлану, её очаровательную улыбку, свою тогдашнюю нерешительность. Позже, когда я счастливо женился, стал журналистом, меня печатали в центральных газетах, окончил Университет, пришло время, в память счастливых дней юности, рассказать Светлане о юношеской влюбленности. Но, увы! Оказалось, не суждено. И компас не помог.

Жену я интуитивно выбрал внешне очень похожую на юную Свету Финицкову. Блондинка, высокого роста, лишь на два сантиметра ниже меня. Звали её Людмила (еще одно напоминание). Если она надевала туфли на высоких каблуках, делала начес, модную, во времена нашего знакомства, прическу La Бабетта, оказывалась выше меня ростом и очень смущалась, когда нас приглашали на какой-нибудь прием или знаменательное мероприятие. Большую часть жизни я работал в газетах и на телевидении, был, как теперь говорят, публичным человеком.

Вспоминая, я опять перескочил через годы. Мингечаур остался в памяти замечательными учителями, которые дали всесторонний запас жизненных знаний, пробудили интерес к познанию неизвестного, желанию постоянно учиться. Назову несколько имен в их память, может наследники прочитают, будет им приятно встретить имена своих близких. Преподавательница литературы Людмила Федоровна Шарапатова и историчка Надежда Петровна Шаронова, только благодаря им я стал журналистом и писателем. Учительница математики и физики Надежда Петровна Ливинская, своими уроками подготовила к вступительным экзаменам в АзИИ, получить пятерки по письменному и устному, а потом легкому освоению в институтских курсах высшей математики. Преподавательница химии Анастасия Сергеевна Шишканова, дала такой запас знаний органической химии, что, когда судьба закинула после геологического сразу на третий курс химического факультета Горьковского Политехнического, они позволили в короткое время оказаться наравне со студентами, изучавшими химию с первого курса.

Каждую осень в сентябре – октябре школьников отправляли помогать колхозникам собирать хлопок. Кто не знает, поясню, хлопок – это куски ваты, знакомые всем нам. Растет хлопок на кустах, высотой в 60—70 сантиметров, обязательно на поливаемой земле. К осени, когда коробочки с «ватой» начинают раскрываться, полив прекращают и кусты засыхают, из полностью созревших и раскрывшихся коробочек руками собирают «вату». Использовались в мое время и хлопкоуборочные комбайны, но их всегда не хватало, они оставляли в поле до 30 – 40 процентов урожая, который потом вручную убирали школьники и горожане. Преобладала ручная сборка хлопка. Мне довелось два или три раза ездить школьной компанией с песнями и анекдотами в открытом грузовике в соседний Агдашский район собирать хлопок. Воспоминания самые радостные и приятные, хотя каждый ученик должен был собрать и принести на сдаточный пункт не менее двадцати килограммов. Редко кто выполнял норму, но общее количество, мы сдавали и даже перевыполняли план. Благодаря нашим классным «авторитетам» Герману Гаймонсену и Энверу Юсупову, умудряющихся стащить со сдаточной площадки один – два тюка хлопка, собранных кем-то раньше.

Герман в будущем стал министром коммунального хозяйства республики, а Энвер в Мингечауре вырос до директора мясоперерабатывающего комбината. Оба, к сожалению, рано покинули наш мир.

Вспоминая Мингечаур, времен строительства ГЭС, не могу забыть гравийные карьеры, где мое поколение купалось с конца апреля до конца сентября. Больше кубовые экскаваторы, в их числе, первые в стране, «шагающие» с ковшом 14 кубометром и стрелой в 65 метров, черпали здесь гравий и грузили в железнодорожные составы, круглые сутки, доставлявшие его на отсыпку плотины. На месте выемки гравия оставались многочисленные карьеры по обоим берегам Куры, превратившиеся в огромные озера с кристально чистой водой, сквозь которую виделось дно до пяти метров, как на Байкале.

И еще воспоминание, связанное с одной из моих будущих профессий. Начиная с седьмого – восьмого класса, я серьезно увлекся фотографией. Кроме меня в школе никто не имел фотоаппарат и не снимал, так что мои снимки были вне конкуренции. В восьмом классе фотография принесла мне и кое – какие блага, расширила круг знакомств. Не помню, как получилось, что однажды меня пригласили в одну мингечаурскую семью запечатлеть для потомков, празднование юбилейного дня рождения. Я снимал «Любителем», карточки печатал контактно, размером шесть на шесть сантиметров. Чтобы рассмотреть лица на снимке, требовалось немало усилий и желания. Но фотографии мои, в 1951 – м году, встречали восторженно. Заплатили какие-то деньги и вручили банку инжирного варенья. И еще, что важнее, главный член семьи, которую я снимал, работала контролером в клубе «Строитель». Я больше года бесплатно смотрел все фильмы, и концерты. Побывал на спектаклях Бакинского театра оперетты, посмотрел модные тогда «Морской узел», «Вольный ветер», еще какую-то оперетту,

уже не помню. У меня пробудился интерес к этому музыкальному жанру. В Баку, мама с папой водили меня только в драму и на классические балетные спектакли: «Семь красавиц», «Пламя Парижа», «Лебединое озеро» в оперном театре. К оперетте они относились свысока.

До сей поры ломаю голову, как мне удалось сдать все пять экзаменов в АЗИИ – Азербайджанский индустриальный институт, на пятерки без подготовительных курсов, без всяких связей, и, тем более, взяток. Склоняюсь к мысли, существовала некая инструкция принять определенный процент абитуриентов с Аттестатом из провинции и русских по национальности. Иначе не объяснить.

Литературу я знал отлично, умел анализировать произведения, сравнивать и за сочинение получил пятерку. На устном вступительном экзамене спрашивали идеи произведений, образы героев, правила орфографии и пунктуации, т.е. теорию. Всё я знал отлично, благодаря учителям последних классов, выпускникам довоенных российских Университетов, и тоже получил пятерку.

Впервые мои способности к сочинительству оценили в шестом классе бакинской школы №142. Ученикам раздали красивые цветные открытки и предложили написать не менее полтора страниц, что ты видишь. Мне досталась дореволюционная открытка с видом Волги и Жигулей. Всевышний словно намекал о связи моего будущего с этими местами. Сочинение моё про Волгу с бурлаками, челнами Степана Разина и сталинским планом перегородить Волгу у Жигулей плотиной, признали лучшим не только в школе, но и в районе, послали в республиканский печатный сборник работ учеников.

Я остановился на этих двух экзаменах, потому что на них по сей день экзаменаторы не решаются ставить высший балл. Кроме литературы и русского, я еще сдавал экзамены устно и письменно по математике, и устно, физику. Их результаты не вызывают сомнения у экзаменаторов. Пять предметов – двадцать пять баллов максимально. Предполагался еще экзамен по иностранному языку, но в Аттестате у меня не было оценки по – английскому, а потому оценили ее по высшему баллу. Таким образом, набралось 30 баллов из тридцати. Максимум. Последний, десятый класс, преподавательница часто болела, пропускала занятия и убедила директора школы всем выпускникам 1953 года по иностранному языку в Аттестате поставить прочерк. В те годы во многих школах страны не хватало преподавателей иностранного, и прочерк по предмету в Аттестате зрелости использовался довольно широко. Сдавать экзамен по иностранному языку на вступительных экзаменах, в те годы, требовалось во всех ВУЗах, на все факультеты и специальности.

Пришлось бы сдавать экзамен, вряд ли я получил выше тройки. Без максимального количества баллов на наш геологический факультет приняли всего двоих, учитывая их спортивные достижения для будущей славы института. Когда я позже поступал на отделение журналистики филологического факультета в Иркутске, номер с отсутствием оценки по-иностранному, не прошел, и меня заставили сдавать как всех. Я был готов и сдал английский на четверку.

В АЗИИ я поступил на отделение инженерной геологии геологического факультета. Это были годы популярности физиков и лириков. Кроме всех других отличительных и притягательных примет, студентам – геологам, как и нефтепромысловикам, полагалась форменная одежда сине – черный китель с золотыми погонами – вензелями и шевронами на рукавах. Мне форма не досталась, как раз в этот, переломный для истории страны, год, ее отменили.

Я уже сдавал вступительные экзамены и по дороге из дома, в троллейбусе, обратил внимание, на пустую рамку в галереи портретов членов Политбюро. Исчез портрет Л.П.Берия. У института, встретил толпу на входе и увидел, что со здания исчезла мраморная памятная доска, сообщавшая, в 1918 году здесь учился Лаврентий Павлович Берия.

Руководство страны объединяло чувство вины за репрессии, боязнь за свою власть, и после смерти И. В. Сталина, вынуждено было провозгласить принцип «коллективного» руководства. А Берия его нарушил. Предложил ряд демократических инициатив, предвосхитивших

горбачевскую Перестройку, выступил против культа личности, против вмешательства партии в экономику, за широкую амнистию, против навязывания социализма Германии и колхозного строя Восточной Европе, пытался захватить власть в стране.

В результате заговора Хрущева и Маленкова, 26 июня 1953года, Берия арестовали, а в декабре расстреляли как врага народа.

Свидание с городом юности

После полувековой разлуки, осенью 2014 года я побывал в Мингечауре. От Баку 270 километров отличной автострады, меньше трех часов на легковушке и три часа пятьдесят минут на комфортабельном автобусе «Мерседес». Из памяти юности сохранились лишь всё та же Кура, мост через реку и гидростанция, всё остальное изменилось до не узнавания. Город перестал быть интернациональным, как и сегодня Баку, или Мингечаур времен юности, когда повсюду звучала русская речь. Современный красивый азербайджанский город. Прекрасные набережные, широкие проспекты, бассейны и скульптуры, высотные дома, мечети, очень много зелени и цветов. Чувствуется, горожане любят город, стараются, чтобы был чистым и красивым. А вот налёт провинциальности виден повсюду. Особенно чувствуется после недельного пребывания в Баку.

Весь сентябрь температура днем не опускалась ниже 28 градусов, но, раз по календарю осень, то, по мнению, горожан, отменяются шорты и мужские босоножки, женщины сняли соломенные и кружевные ажурные шляпы от солнца.

В один из жарких дней, мы с Верой, приютившей меня в Петербурге, после смерти Людмилы, идем по главному проспекту города, имени Гейдара Алиева. Вера, не привычная к жаре и солнцу, естественно, в широкополой соломенной шляпе, удивлялась любопытным взглядам встречных женщин на её шляпу и открытый сарафан. Неожиданно чей-то женский голос позади нас, окликнул меня: Борис Борисович! Мы удивились. Кроме моей одноклассницы Тамары Павловны Климовой, в замужестве Калединой, у которой мы остановились, её сына Андрея и двух внуков, в городе никто не знал меня. Других немногих одноклассников судьба раскидала по просторам, когда-то огромной единой страны и мира, многие переселились в другой мир. Присмотревшись, я узнал знакомую, по фотографии в Скайпе, известную в городе учительницу Нелли Львовну Фролову, с которой заочно познакомился, переписывались, но лично никогда не встречались. Накануне, уже в Мингечауре, я позвонил ей, ответила мама, что Нелли дома нет, позвоните позже. И вот, Нелли Львовна, уже зная, что я с женой в городе, по шляпе на ней, вычислила нас на улице, окликнула.

Мы познакомились и пообщались с Нелли Львовной. С сыном одноклассницы, на его автомобиле совершали экскурсии по городу, побывали на обоих берегах Куры. Посетили городские кладбища и были тронуты их прекрасным состоянием, словно побывали в европейском городке. В ухоженном состоянии в Мингечауре и немецкое кладбище. К 1999 году, силами бывших пленных немцев и родственников, часто посещающими город, с распадом СССР, оно приобрело сегодняшний вид. Здесь похоронены 828 военнопленных. Территория занимает более восьми тысяч квадратных метров, огорожено. Могилы под невысокими холмами, насыпанных камней, с металлическими табличками. Центральный памятник – железный крест высотой в пять с половиной метров и памятное напоминание: «Здесь покоятся военнопленные, жертвы Второй мировой войны».

Несколько дней посвятили великолепному пляжу на Мингечаурском море, водохранилище гидростанции. На пляже, к удивлению, встретили мало купающихся. Андрей объяснил: сезон официально окончен. На календаре середина сентября, местные не купаются. Только гости города вроде нас.

Бакинство

Память выбирает из прошлого наиболее яркие события и встречи, оставляя «за кадром» сотни, если не тысячи, повседневных, обыденных историй и приключений.

В нескольких главах бакинских воспоминаний, я уже упоминал «крепость» и Девичью башню. Для не бакинцев, расскажу о них подробнее, за одно объясню мое понимание бакинства, как термина, как принадлежность к выросшим в Баку, навсегда оставившим в себе чувства глубокой привязанности к родному городу.

Самая старая часть города, крепость Ичери Шехер, или Внутренний Город, с трех сторон окружены мощными зубчатыми стенами, за ними когда-то располагался весь средневековый Баку. В XVIII и XIX веках крепостная стена защищала город и со стороны моря. Сегодня от нее осталась лишь башня «Гыз галасы» – «Девичья башня». Как во всех приморских городах мира, подобные башни окутаны легендой о несчастной любви дочери властителя, бросившейся с вершины башни от отчаяния в море. Девичья башня когда-то тоже стояла у самой воды.

Ее силуэт – вечный символ Баку, как Кремль Москвы, Медный всадник Санкт – Петербурга или Эйфелева башня Парижа.

Крепость славится историческими памятниками. Главные: Девичья башня и комплекс Дворца Ширваншахов, Крепость Ичери-шехер с Дворцом Ширваншахов и Девичьей башней историко – архитектурный заповедник, включенный в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. На территории крепости – заповедника еще десятки интересных исторических объектов: мечети, караван-сарай, бани.

Не только любовь к знаменитым памятникам прошлых веков объединяет сегодняшних бакинцев и моё поколение. Живших когда-то в Арменикенде, или на не самой законопослушной улице Советской и на престижной Коммунистической, или на проспекте Сталина. Всех объединяет беззаветная любовь к футбольной команде «Нефтяник». Имена Анатолия Банишевского, Казбека Туаева, Эдуарда Маркарова, Адила и Яшара Бабаевых, Сергея Крамаренко, Валерия Гаджиева, Вячеслава Семиглазова, Ахмеда Алескерова, Валерия Брухтия и всех, кто ковал успех «Нефтчи», знали тогда даже люди, никогда раньше футболом не болевшие. Позже, таким объединяющим началом стала бакинская команда КВН. И еще нас, бакинцев, объединяет улица Торговая и Приморский Бульвар, о которых я уже писал. Были еще прекрасные места знакомств и встреч. Филармонический сад. Папа называл его Губернаторским, потому что здание филармонии до революции занимала резиденция бакинского губернатора.

В каждом районе городе были еще свои любимые места отдыха, парки с танцевальными площадками. Парк Красной Армии, в Завокзальном районе парк имени Дзержинского, парк Монтино, в Черном городе парк «Ротефане» (имени Низами). Парки поменьше были практически во всех районах Баку. А всеобщим любимцем был, конечно, Нагорный парк имени С.М.Кирова. Он славился танцевальными вечерами и местом знакомства молодежи со всего города. Здесь впервые в СССР проходили концерты и спектакли, задником сцены у которых была бакинская бухта. Мы с женой приезжали в 1968 и 1969 годах, были на концертах с участием молодых Полада Бюль-бюль оглы и Муслима Магомаева, смотрели какой-то балетный спектакль, зрелище запомнилось на всю жизнь.

Великолепным видом на бухту, восхищался А.М.Горький, сравнивал с неаполитанской. Старые бакинцы, бывавшие до революции за границей, не соглашались с Алексеем Максимовичем. Мне посчастливилось побывать в Неаполе, и подтверждаю: бакинская бухта с её неповторимым бульваром, действительно, напоминает неаполитанскую, но прекраснее, более подходит для прогулок влюбленных.

Окаймляет бухту Приморский бульвар, или просто – Бульвар. Во все времена, особенно, в праздники, здесь столпотворение. Звучит речь – азербайджанская, русская, персидская,

армянская. В последний мой приезд в 2014 году, еще и европейская – немецкая, французская, конечно, английская.

В далекие годы моего бакинского детства, мальчишки, слетались на Бульвар со всех районов и кварталов города. Мы не знали тогда советского пропагандистского штампа «дружба народов», просто росли в одних дворах, учились в одних классах, и друзей заводили по принципу «нормальный пацан, правильный» или нет. На Бульваре с ранней весны и до поздней осени с утра до ночи бурлила разноязыкая толпа, общавшаяся между собой преимущественно на русском языке, с тем своеобразным говором, по которому мы, бакинцы, узнаем друг друга. Бульвар я помню лет с семи. С яхтами, парусниками, купальнями и парашютной вышкой. Все это вспоминается сегодня стоп-кадрами из старого доброго фильма, в котором был участником и зрителем одновременно.

Только старый бакинец поймет сленг сороковых – пятидесятых, услышав такие слова, «Джигал, джигалить» – жульничать в игре. «Атанда!» – сигнал опасности, следует убегать. Когда перестали ходить электрички на апшеронские пляжи, забылось, а молодое поколение и не знает, определения «зонный» Родилось оно на Сабунчинском вокзале. «Зонный» – скоростная электричка на пляж, пропускающая определенные зоны, без остановок на небольших и близких к городу станциях, как Фиолетово. С тех пор старые бакинцы употребляют «зонный», когда желают подчеркнуть, что-то движется быстро, без остановок. В ходу было слово «Занывать» – спрятать что-либо и презрительно – ругательное «Ушагбас» – мужчина с нездоровым влечением к мальчикам. Много других слов, которые прошли проверку временем и остались в современном бакинском сленге.

Что же объединяло и вечно объединяет бакинцев? Если ответить одним словом, я бы повторил вслед за журналистом Фархадом Агамалиевым, удачного нашедшего определение: бакинство! Субстанция духовная, из области чувств, научно не объяснимая, знак особой отмеченности. В ней запахи моря, города, память нашего детства, незабытые голоса бакинской жизни. Англичане считают, нельзя сказать «бывший аристократ», также нельзя сказать «бывший бакинец». Как далеко от города детства ты ни живешь, на какой бы далекий континент ни забросила судьба, ты остаешься бакинцем. Это и есть бакинство, объединяющее всех, выросших в этом городе, на берегу Каспийского моря.

Переезды родителей и моя учёба

Работа мамы в совнаркоме и министерстве, постоянные психоэмоциональные нагрузки, вызывали у неё повышение давления. Постоянная головная боль привела к развитию гипертонии. Медикаменты, которыми пользуются сегодня гипертоники, в те годы еще не изобрели, единственным вариантом, способным, если не вылечить, то хотя бы уменьшить боли, оставалось сменить климат, что реально было не выполнимо. Закон запрещал увольнения по собственному желанию.

Сегодняшнему поколению трудно поверить, тем более понять, в начале 50 – х годов в стране существовало крепостное право. Сельские жители не имели паспортов и навечно были привязаны к земле, родному селу или деревне. Вырваться в город, получить паспорт, имелась одна возможность – парням, после службы в армии, завербоваться на большую стройку или на завод. Девчонкам – выйти замуж за городского. Городское население, и, прежде всего, рабочий класс, еще и сегодня пополняется за счет переселенцев из сельской местности. А в те годы крепостное право держало на привязи и горожан. Не с каждого предприятия или организации можно было уволиться по желанию. Люди оставались привязаны к своей работе. Таков существовал в те годы закон: трудись на своем месте, где оказался, или тюрьма. Там работать на благо Родины заставят. Тюремный срок грозил и за неоднократные опоздания на работу.

Вспомним, после революции и гражданской войны вплоть до 1953 – 1955 годов в СССР тотально использовался принудительный экстенсивный труд. Все новые промышленные объекты возводились не техническими знаниями и умением людей, а их количеством. Миллионы рабочих трудились в особых зонах под охраной войсковых частей НКВД, а позже МВД, не получая платы за свой труд. Широкой общественности известны Магнитогорск, Челябинский тракторный, Кузнецкий и Норильский комбинаты, ДнепрогЭС, десятки других энергетических гигантов СССР, построенных невольным трудом, до начала строительства Красноярской ГЭС, первой гигантской стройки, где не использовался труд заключенных. А сколько еще промышленных и научных объектов, скрывавшихся за номерами почтовых ящиков, городков, не отмеченных на картах, где использовался подневольный труд арестованных, не известны широкой общественности!

Миллионы беспаспортных крестьян также принудительно работали в коллективных хозяйствах – колхозах, с мизерной оплатой труда. Тысячи отечественных ученых, насильственно собранные в так называемых шарашках, разрабатывали ядерное оружие и ракетное вооружение.

Жаркий бакинский климат с тремя – четырьмя месяцами температуры выше 30 градусов, сильными ветрами, медленно убивали мою маму. Спасти её мог только переезд в центральную Россию, где климат более подходит гипертонику. С 1949 года папа пытался убедить директора Бакгидэпа Л. Босовского отпустить его, чтобы увезти жену. Писал в Москву, в Министерство, и получал отказы.

Лишь в 1955 году, изгнанный из Председателей Совета Министров, и назначенный министром электростанций СССР, Г.М.Маленков принял спасительное решение. Не отпустил на волю, а приказал откомандировать отца на работу в Мосгидэп. Там его направили в группу рабочего проектирования на строительство Горьковской ГЭС.

Родители переехали в Горький, получили квартиру в Заволжье, рядом со строительной площадкой Горьковской гидроэлектростанцией. Через три года Мосгидэп откомандировал

отца в Литву руководителем проектировщиков на строительстве Каунасской ГЭС. Кроме гидроэлектростанции на Немане, он участвовал в проектах Плявинской ГЭС, на реке Даугава, в Латвии. Работая в Мосгидэпе, выезжал в командировки в Вышгород, решать проблемы строительства будущей Киевской ГЭС.

С учебой у меня всю жизнь происходили какие-то метаморфозы, хотя почти везде учился хорошо, выше среднего. На геолога проучился два года без «хвостов», с приличными отметками и знаниями. А курс геодезии, с очень серьезной практикой, освоил настолько, что позже работал геодезистом на Красноярской ГЭС. Но опять вмешалась судьба.

В Баку я оставался с бабушкой Вандой Эдуардовной. Изредка приходила проконтролировать меня тетя Сима. Она, наконец-то, в последний раз вышла замуж за инженера Виктора Ивановича Захарова, потомственного бакинца, стала степенной, и, как мне казалось, теперь не была такая взбалмошная, чтобы не сказать – психованная, как раньше. Но я ошибся. От соседок узнала, что в своем новом дворе я дружу с «уголовниками», вместе с ними хулиганю, имею два привода в милицию, что поссорился с «бандитами» из Крепости (Самого старого и бандитского района города), боюсь появляться на Бульваре. Послала телеграмму родителям, если не заберут из Баку, меня ждет тюрьма или бандитский нож.

Мама очень серьезно восприняла сообщение Симы, что связался с хулиганьем, хотя отлично знала панический характер сестры. Мои убеждения, что это не так, ни попытки папы заступиться за меня, не помогли повлиять на маму, с её постоянными приступами головной боли. В итоге, третий курс я догонял в Горьковском политехническом институте.

Далеко от Баку и друзей

В Горьковский Политехнический институт меня приняли снова на третий курс. На химический факультет, где пройденные предметы и часы лекций в Баку, более – менее подходили. Пришлось, правда, еще досдать ряд предметов, с которыми я рассчитался лишь к концу следующего учебного года. Учеба не доставляла удовольствия, химию я не любил, учился еле-еле, профильные предметы, как физическая и аналитическая химия, сдавал со второго, а то и третьего захода. Тем не менее, третий курс кое-как закончил, и с хвостом по одному предмету, перешел на четвертый. Там учеба пошла еще хуже и мне предложили перейти на вечернее или заочное отделение, или полное отчисление из института.

Оформляя документы на заочное отделение, поступил на работу в Горьковский академический театр драмы рабочим сцены. Поработать в театре довелось недолго, четыре или пять месяцев, а потом забрили в армию. В ректорате еще не успели оформить приказ, как военкомовские клерки оказались тут как тут. Раз отчислили с очного отделения, будьте любезны отслужить в армии. Но свою трудовую книжку я получил в театре и первая запись в ней – рабочий сцены.

Режиссеры постоянно привлекали техперсонал к участию в массовых сценах. За каждый выход на сцену, к зарплате прибавляли десятку, и мы охотно участвовали в постановках главного режиссера театра, ученика А.Я.Таирова. Меер Абрамович Герш продолжал традиции учителя – любил большие массовые сцены с участием всей труппы, революционный пафос. За короткое время, я принял участи в пяти пьесах. В «Оптимистической трагедии» Вишневого сыграл даже две роли – революционного матроса в толпе, не желавшей принимать комиссара в юбке, и австрийского солдата с винтовкой на перевес, выбегающего на сцену. В Гончаровском «Обрыве» переодели меня в лакея и без единой репетиции, дали в руки поднос с чаем и заставили неподвижно молча стоять минут десять.

Из знаменитостей тогда в театре играли Лилия Степановна Дроздова и Людмила Ивановна Хитяева. Последняя пользовалась особой популярностью у зрителей после фильма «Екатерина Воронина», где сыграла главную роль, «на неё ходили». Съёмки фильма проходили в Горьком, и горожане узнавали знакомые улицы, дом главного героя, порт на стрелке Оки и Волги. В спектаклях я застал Людмилу Ивановну всего несколько раз, в это время она снималась в «Тихом Доне» и в театре играла редко.

Пришла очередная повестка из военкомата. На этот раз отвертеться не удалось. На долгие три года и еще полтора месяца надел я кирзовые сапоги с портянками, серую шинель, ушанку с красной звездой, и отправился служить в Советской армии.

Какое-то время считал эти годы вычеркнутыми из жизни. Позже понял, что не совсем. Познакомился с простыми людьми, призванными со всех концов и уголков нашей огромной страны, служившими со мной. Они помогли узнать реальную жизнь, понять характеры, рабочую покорность «царю» и обстоятельствам, людей, выросших при советской власти. Много лет спустя, уже в другом веке, последнее не изменилось, и объясняло мне, почему народ такой инертный. Готов безропотно переносить все невзгоды и лишения, несправедности жизни. Понял, народ привык жить, не задумываясь, все решения в жизни принимают за него, не спрашивая мнения или совета.

Служба в армии помогла определиться с будущей профессией, воспитала характер и приучила к конформизму, не удивляться всяким мерзостям жизни. В каких-то ситуациях пере-

воплощаться в бравого солдата Швейка, соглашаясь с очередной глупостью. «Так точно, господин, лейтенант». Следовать в жизни его вере «Никогда так не было, чтоб никак не было. Всегда. так было, чтобы как-нибудь да было».

Армейская служба

Служить мне довелось сравнительно легко, повезло, оказался в авиации. А где авиация, свидетельствует поговорка, рожденная еще в войну, порядка нет. Служил я не с ровесниками, а с молодежью, на три года младше меня. К тому же, образовательный уровень солдат редко превышал семь классов, девяносто девять и девять процентов призывались из деревень. Кругозор их узнал в первые недели курса молодого бойца. Послали как-то нескольких «молодых», и меня в их числе, помочь на кухне. Старослужащие солдаты решили известной шуткой посмеяться над молодыми и поручили продувать макароны от пыли. В то время еще выпускали настоящие длинные макароны, а не пришедшие позже на смену им разные колечки, спиральки и перья. Жители деревень макарон не видели, и бедные ребята, под хохот старослужащих, принялись продувать каждую макаронину. Деревенские не знали своих прав, воинские уставы не разрешают унижать человеческое достоинство солдата. Потому и встречал сержантов, издевавшихся над молодыми солдатами, только-что призванными в армию. За какую-нибудь провинность, в наказание, заставляли новичка измерить длину казармы с помощью швейной иглы. Обязательное восьмилетнее образование ввели лишь в 1958 году. Тогда же отменили плату за обучение в старших классах

С десятилеткой встречались единицы, а с незаконченным высшим образованием, как у меня, сменив, десяток воинских частей, встретил одного. Смена мест моей службы, объяснялась проводимыми в те годы, реформами Н.С.Хрущева, реорганизовать и сократить армию.

Командиры старались избавиться от грамотного солдата, знающего воинские Уставы, советские законы и требовавшего их соблюдать, «качающего права». Среди старшинского и младшего офицерского состава еще служили не слишком образованные участники войны и призывники первых послевоенных лет. Для них я бельмо на глазу, и при случае были рады отправить меня в другую роту, полк, еще лучше – в другую воинскую часть. Возможности такие, в годы реформирования армии, представлялись часто. В итоге мне довелось начать службу в Саратовском военном автомобильном училище, и продолжать в Сызрани, в Подмоскowie, на Валдае, в ракетно – космическом поясе защиты Москвы в Выползово, а закончить воинскую службу в гарнизонах всех трех прибалтийских республик. Все эти годы в армии продолжалась реорганизация, преимущественно сокращения, невзирая на Карибский кризис 1961 года, когда мир оказался на пороге ядерной войны.

В 1955—1958 годах, еще при министре обороны Г. К. Жукове, Хрущев инициировал первое сокращение Советских Вооруженных сил более чем на 2 миллиона солдат и офицеров. Позже, в январе 1960 года Верховный Совет СССР принял Закон «О новом значительном сокращении Вооруженных сил СССР». Из армии и флота были уволены до 1 миллиона 300 тысяч солдат и офицеров. Почти треть от общей численности всех военнослужащих в СССР к тому времени.

Настоящая армейская служба началась для меня в роте связи Сызранского летного училища. Здесь, в те дни тоже шло расформирование. Военных летчиков, техников и специалистов наземных профессий, начинавших службу в годы войны, отправляли в запас, на пенсию. Недоучившимся курсантам присваивали звание лейтенанта запаса и выпроваживали на гражданку. Для многих молодых людей, мечтавших о профессии военного летчика, это было трагедией, переломом судьбы. Как и для десятков тысяч офицеров всех родов войск. В эти же годы сняли ореол славы со знаменитого полководца ВОВ Г.К.Жукова, и бесславно отправили на пенсию.

Первые месяцы, пока проходили курс молодого бойца, было довольно сложно. Подниматься с постели, убрать её за 45 секунд и встать в строй, много других регламентированных действий и команд. Привыкал трудно. После принятия Воинской Присяги определили меня во взвод связи. Учили материальную часть УКВ радиостанции с четырьмя фиксирован-

ными частотами на автомобиле ЗИЛ-131. Для меня, еще в школе научившего читать радиосхемы, собиравшего несложные детекторные и первые ламповые радиоприемники – передатчики, учеба напоминала пятиклассника, направленного на учебу в первый класс.

Мои знания радиотехники приметил старшина – сверхсрочник, и взял к себе в помощники разбирать электронику с только-что списанного военного бомбардировщика ТУ-4, совершившего свою последнюю посадку на аэродром Сызранского летного училища. На мой взгляд, бомбардировщик, поступивший в авиационные полки уже в послевоенные годы, мог еще служить и служить Родине, но попал в кампанию реформ и разоружения. Среди курсантов и инструкторов ходила история, этот тяжелый самолет впервые в мире, в 1949 году, с полным грузом для полярников, совершил посадку, на Северном полюсе. Позже, участвовал в испытаниях советского атомного оружия, а 4 декабря 1951 года с него сбросили первую атомную бомбу на Семипалатинском полигоне. Истории эти я услышал месяца через два, ежедневной работы в самолете. Мой наставник старшина Владимир Михайлович успокоил, даже если история самолета правдива, остатки радиации в самолете, на нашем здоровье не скажутся. Об этом я и не думал.

Уже в XXI веке, узнал любопытную подробность о «нашем» самолете. Он, оказалось, по личному приказу И.В.Сталина, полностью скопирован с американского стратегического бомбардировщика Б – 29. Как и некоторое другое вооружение США, «позаимствованное» у заокеанских конструкторов. Скопировали настолько точно, что на панели управления оставили отверстие под банку с «Кока-колой», о которой наши летчики не имели представления. Строили ТУ – 4 как носителя ядерной бомбы. Заинтересовавшихся историей самолета ТУ-4, отсылаю в Википедию, где описаны подробности его создания, даются адреса более серьезной литературы.

Факт этот я узнал более чем через полвека, а тогда в 1959 году, с опытным авиатехником, знающим толк в электронном оборудовании, мы раскурочивали машину, по своей электрической и радиотехнической начинке, опережающую мирную советскую технику на десятилетия. Что за электроника там стояла! В гражданской промышленности о существовании таких гироскопов, микроскопических реле и выключателей, электромоторчиков, измерительных приборов, потенциометров и конденсаторов, прочих деталей и устройств не имели понятия, что они давно изобретены, существуют. Напомню, время было, когда страна уделяла внимание только военной технике и разработке военных технологий. Передать что-то из наработанного, в мирный сектор экономики, «там, наверху» не приходило в головы или не доходили руки, а может быть, не считали нужным. Властвовала идеология: мы во вражеском окружении, не сегодня – завтра американские империалисты нападут на Советский Союз. Зато позволило в 1949 году создать отечественную ядерную бомбу, а в 1953 году – водородную. Еще многие годы, пока существовал СССР, приоритет научных разработок отдавался военно-промышленному комплексу. С развалом страны в 1991 году, разрушилась не только мирная экономика, почти полностью остановилось развитие военно – промышленного комплекса. Только с приходом к власти В.В.Путина, военная промышленность начала медленно возрождаться. Однако, догнать десятилетнее отставание от мирового научно-технического прогресса, нелегко.

В первые же месяцы армейской службы, в жизни моей случилось событие, значение которого оценил много позже. Знакомство с русским евреем Михаилом Левитиным, призванным из Рославля, небольшого городка между Смоленском и Белоруссией. Я назвал его русским евреем, а, он был чистокровный русский (евреи в мирное время не служили в солдатах). Обстоятельства сложились, что с пеленок вырос в еврейской семье, и был воспитан в лучших еврейских традициях, научен таланту предпринимательства, выживанию в сложных жизнен-

ных ситуациях. После десятого класса Мише не позволили мечтать о поступлении в институт, а когда не подчинился воле воспитавшего родителя, начать работу в магазине учеником мясника, или грузчиком, отправили самостоятельно искать работу. Поиски привели в редакцию районной газеты, где работали такие, как и он, бывшие десятиклассники. Михаил быстро освоил искусство писать заметки о передовых тружениках колхозных ферм и станочниках, их социалистических обязательствах, которые они выполняли и перевыполняли.

На фоне необразованных деревенских парней, с которыми судьба свела служить, он выделялся, и мы подружились. С первых дней службы в армии, он писал в окружную военную газету про успехи в боевой и политической подготовке своих товарищей по взводу и роте. Сюжеты и темы для военной газеты находились легче, чем в районной, где читатели знали всех героев публикаций. В армейской газете не указывалось место дислокации части и о ком сообщалось в заметке, а лишь «В подразделении капитана Солнцева» или «В части, где командир А. Петров», часто не называя звания командира. Перед автором, которого именовали военкором или внештатным корреспондентом, в меру таланта открывались широкие возможности сочинить любую историю, которую не проверишь. Например, «на учебных стрельбах по движущимся мишеням, отделение сержанта Волкова вышло на первое место, опередив победителей предмайского соревнования, отделение старшего сержанта Сергеева». О каких отделениях, командирах, сообщала газета, узнавали лишь сами герои заметки, встретив знакомые фамилии. Свежий номер ежедневной газеты Приволжского военного округа «За Родину» лежал на видном месте в каждой ленинской комнате роты или взвода.

За подобную заметку в 10 – 15 строк присылали гонорар 3 – 4 рубля. В месяц Михаил зарабатывал до 30 рублей. Учитывая, что солдатам платили на личные нужды всего три рубля, а бутылка пива в городской бане, куда солдат водили по пятницам, стоила от 30 до 50 копеек, в зависимости от сорта и качества, гонорар был хорошим подспорьем. В те годы в армию денег из дома не посылали. Не принято было, да и родители солдат жили очень бедно. От тех, кто зажиточнее, изредка приходили посылки с домашним салом и колбасой, соленьями и сигаретами. Всем этим богатством получатель обязан быть делиться, в первую очередь со старослужащими. Хорошо, если адресату доставалась хотя бы десятая часть посылки. Приходили посылки обычно к праздникам, чаще церковным, хотя официально, в атеистической стране, кроме революционных, других праздников не существовало.

Михаил заразил и меня азартом сообщать в газету о каждом важном событии в армейской жизни, а заодно и получать небольшие деньги за информацию. Конкуренции не побоялся. Через несколько месяцев по сумме гонораров, я догнал своего приятеля. Мне сочинительство давалось легче, я безбожно сочинял небылицы, следуя примеру незабвенного Марка Твена. Возможно, в редакциях окружной «За Родину» и в центральной – «Красной звезде», об этом догадывались, но им требовалось выполнять закон о 60 и 40 процентах, заполнять газетные площади «творчеством» внештатных корреспондентов, и печатали всё, что присылали.

Отвлекусь ненадолго от армейских будней и просвещу современных журналистов, не знающих о законе 40 и 60 процентах, завещанных В.И. Лениным, для всех видов СМИ, начиная с 1918 года вплоть до перестроечного 1989-го, когда закон не отменили, а как многое в стране, «спустили на тормозах» – не стали исполнять.

Семьдесят лет эти проценты оставались головной болью для редакторов газет всех уровней, на радио, а потом и на телевидении. Шестьдесят процентов авторов публикаций обязаны быть нештатными сотрудниками, то есть крестьянами, рабочими или солдатами, не профессиональной интеллигенцией, которую вождь мирового пролетариата сравнивал с говном. Лишь сорок процентов газетной площади или эфирного времени полагалось заполнять штатным профессионалам. И гонорар делился в такой же пропорции. Можете представить газету, где полосы на шестьдесят процентов заполнены письмами, заметками и статьями рабочих и сельских корреспондентов, как требовал Владимир Ильич? Или представить, как непрофессио-

нал подготовит радио или телепередачу? Семьдесят лет находили выход, не решаясь посягнуть на ленинский завет. Как во всех сферах советской жизни, выручали разные хитрости. На радио и телевидении передачи готовили знакомые, не состоящие в штате, профессионалы. В газете проблема решалась еще проще. Штатный, идеологически подкованный, сотрудник писал от первой до последней строчки за колхозную доярку, передовика производства, ставил в конце их фамилию, а бухгалтерия отсылала им гонорар. В своей практике на телевидении, чтобы выполнить злополучный процент, одну из своих программ, с повышенным гонораром, я вынужден был раз в месяц оформлять на кого-то из друзей, не работающих на телевидении. Им тоже было выгодно, бухгалтерия приплюсовывала полученную сумму, к месячному заработку, а значить, к отпускным и больничным. Получив гонорар, «внештатник» вычитал из него небольшую сумму, на которую увеличивался подоходный налог, а остальные деньги отдавал мне. На таком принципе работали все редакционные коллективы на ТВ и в газетах. Начальство, конечно, знало, но делало вид, что не замечает. По-другому в творческой организации не добьешься выполнения ленинского закона о профессионалах и нештатных сотрудниках.

Вернусь к своим армейским газетным материалам. Следование примеру Марка Твена и его редакторскому опыту, к концу моей службы, едва не довело до грандиозного скандала, и неизвестно каким изменениям в моей судьбе. Случилось это на последнем году, в конечном моем месте службы, когда я был уже авторитетным военкором газеты Прибалтийского военного округа, с тем же названием «За Родину!», как и в Поволжье, награждаемым к каждому празднику Почетной Грамотой газеты.

Наша рота спецсвязи дивизии стратегических ракетных войск располагалась на территории двух союзных республик. Казарма, плац и туалет на два десятка посадочных мест, располагались в Эстонии. Ручеек, около сорока сантиметров в ширину, отделял роту от столовой, медпункта и солдатского клуба в Латвии. На дежурство в штаб дивизии, мы ходили тоже в Латвию, небольшой уютный городок Валка. Местные латыши относились к русским вполне дружелюбно, приглашали на свои национальные праздники, девчонки – латышки дружили с солдатами.

В увольнении мы больше любили другую половину города – эстонскую Валга, где находилась основная воинская часть, был современный городской кинотеатр, ЦПКиО, железнодорожный вокзал. Эстонцы тоже относились к нам, солдатам, дружелюбно. Рота неоднократно выезжала помогать убирать картофель, что-то строить. Выезжали на два-три дня, с ночевками в каких-то сельских казенных помещениях, на сеновале. Вместе с нами работали и ночевали посланцы городского пролетариата из Риги, с завода ВЭФ, студенты из Тарту. Вечера заполнялись песнями, танцами до утра, ночными прогулками и скоротечными романами. Никто не помнил о своей национальности, работали и веселились одной семьей.

Последний год службы в Валге – Валке оказался самым интересным и легким. Мы с Володиным Макаровым вдвоем ежесуточно дежурили по восемь часов на коммутаторе узла связи в штабе дивизии. От казармы до штаба километра полтора, и мы без сопровождающего, свободно отправлялись на дежурство по городским улицам, заглядывая по пути в магазины, заигрывали с девчонками.

Дежурства в узле связи дивизии, особенно в ночные смены, оставляли массу времени для чтения. При штабе имелась прекрасная библиотека, с самыми последними новинками. Особенно разнообразной была военная проза. Здесь я прочитал книги писателей – фронтовиков, непосредственных участников войны: «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова, «Пядь земли» Григория Бакланова, «Батальоны просят огня» и «Последние залпы» Юрия Бондарева, начало Симоновской трилогии «Живые и мертвые». Не оставил без внимания ни один номер журнала «Юность», где печатались начинающие Анатолий Гладилин, Василий Аксенов, Анатолий Кузнецов.

После дежурства нам полагался отдых, чтобы подготовиться к следующей вахте. Поэтому имели возможность, когда хотели лечь отдыхать, в любое время выйти из расположения части, в то время как остальные солдаты роты занимались строевой подготовкой, учили матчасть, или сидели на политзанятиях. Сегодня нашу маленькую бригаду, обслуживающую Штаб дивизии связью, назвали бы элитным подразделением, никому не подчинявшимся в роте, а только дежурному штабу дивизии.

В конце лета, когда в заброшенных хуторах поспевают ягоды, сливы и яблоки, мы группами в пять-шесть человек отправлялись ночами в самоволку попасть в заброшенных садах, принести фруктов товарищам, прикрывавшим наше отсутствие в казарме. После очередной находки старшиной, а чаще командиром взвода, следов фруктовое пиршество, кого-то наказывали внеочередными нарядами, и следовала длинная проповедь, как опасно, посещать заброшенные хутора, где можно встретить «лесных братьев», бывших бандеровцев, продолжавших скрываться в лесных массивах, в которые превратились за послевоенные годы, заброшенные хутора.

Мне встретить «лесных братьев» не довелось, но про их непрекращающиеся диверсии, боевые операции против представителей советской власти, зам командира по политической части красочно рассказывал и страшил на каждом занятии. Его рассказы настолько достали всех, что я решил поддержать его, придумать историю про героизм моих товарищей, и впрямь столкнувшись с «лесными братьями». Следуя примеру Марка Твена, и будучи уверен, что не станут проверять факты, а газета ухватится за тему героизма в мирное время, я накатал очерк аж в двести строк. Умный читатель, а тем более редактор, поймут, это обычный треп, пропагандистская фальшивка, отвечающая текущему моменту. В истории ни капли правды, но всё очень правдоподобно. Так и должны были поступить герои очерка, следуя примерам из художественных произведений социалистического реализма.

Смена связистов, пять человек, возвращалась в полночь с дежурства и вдруг заметила две фигуры, перерезающих колючую проволоку в заборе, вокруг расположения нашей части. Вступив безоружными в схватку, с вооруженных обрезам бандеровцами, захватили их.

С историей я перестарался. Она получилась настолько геройской, что оказавшийся случайно в рижской редакции собственный корреспондент «Красной Звезды», прочитав очерк в гранках, всему поверил и бросился немедленно узнавать дополнительные детали, и даже позвонил в Москву застолбить место в будущем номере газеты для сенсации.

Шел шестнадцатый послевоенный год и активность «лесных братьев» сходилась на нет, а тут вдруг попытка проникнуть в воинскую часть. По автору, майор из «Красной Звезды» определил, где произошла история, и в надежде добыть дополнительные подробности звонил по всем известным ему телефонам. К его разочарованию, ни в Штабе дивизии, ни в гарнизонах Валги и Валки никто ничего не мог добавить. Признаться, что ничего подобного не слышали, не решались. Рижская окружная военная газета «За Родину!» проверять историю не стала. События описаны правдоподобно, восхваляют доблесть и героизм, зачем откладывать публикацию известного военкора, тем более корреспондент «Красной Звезды» может еще опередить с публикацией. Тогда редактору не миновать взбучки за не оперативность сотрудников.

Следующий номер газеты «За Родину!» открылся моим очерком на первой полосе, сразу за передовицей. Почтальон только принес газету в ленинскую комнату, никто не читал, как меня вызвал командир роты. Перед ним лежала развернутая газета, и он успел прочитать очерк. Среди героев, его подчиненных, называлась и его фамилия.

– Зачем всё это нафантазировал? – спросил он, не ответив на мое приветствие. – Тебе деньги нужны?

– Если бы деньги, мог позвонить или написать отцу.

– Про твою статью и геройское задержание бандитов, пытавшихся проникнуть в расположение части, в Штабе дивизии узнали еще вчера, до выхода газеты. Не понимаю, почему не дали команду не печатать фантазии, – признался комроты.

Не слишком строго пожурив меня, обещал в следующий раз за вранье сообщить редакции, чтобы меня больше не печатали. Думаю, ему было, все-таки приятно, о нем и его подчиненных пишут в газете, которую прочитают друзья по училищу и округу, память останется детям. А была история или её сочинил журналист, по истечению времени никого не будет интересовать. Кроме командира роты, меня никто не вызывал, никакого наказания я не понес. Сослуживцы читали газету вслух и хохотали над своим «геройством», подкалывали меня, сколько заплатят за фантазию.

В августе, когда дослуживать осталось менее полгода, из округа пришел приказ, направить меня в Ригу на Всесоюзный семинар военных журналистов. Семинар созвали для штатных сотрудников всех округов страны. Зачем пригласили меня, внештатного военкора, я узнал позже. Мне предложили рекомендацию во Львовское политическое училище, немедленную демобилизацию и зачисление на первый курс факультета военной журналистики. Трехлетнее знакомство с офицерским бытом подсказало отказаться от столь лестного предложения, и я вернулся в свою часть дослуживать. Мечтал я о факультете журналистики в Ленинградском Университете.

То ли за отказ ехать во Львовское училище, может за нелюбовь ко мне старшины и командира взвода, они постоянно строили разные козни, настраивали против меня командира роты, демобилизацию мою откладывали и откладывали. Почти весь наш призыв отправился по домам, а нас с Володей Макаровым задерживали. Объясняли, нечем заменить на коммутаторе в Штабе дивизии. Лишь, когда записался комсомольцем – добровольцем на стройки Сибири, меня, наконец, отпустили.

Послеармейская жизнь

В начале января 1962 года я получил все полагающиеся документы и проездные билеты на Всесоюзную комсомольскую стройку Красноярскую ГЭС. Эту сибирскую стройку я выбрал не наобум.

Ко времени завершения строительства Каунасской ГЭС, где продолжал работать папа, жили мама и Олег, заканчивающий среднюю школу, крепостное право отменили. Люди получили право выбирать работу, увольняться, если она не нравится, отменили уголовное наказание за опоздания.

Провести остаток жизни в Каунасе, где имели приличную квартиру, где местные к отцу относились с большим уважением, а Олег реально мог поступить в престижный Каунасский политехнический институт, родители не пожелали. Любовь к переменам, желание начать новую гидростанцию с самого начала, позвали в Красноярск. Коллеги и друзья отца, такие же, как и он, непоседы, пригласили перейти на работу в проектный институт Ленгидэп – Ленгидропроект, как потом назывался, где требовались опытные специалисты на возводимые в Сибири крупнейшие в мире гидроэлектростанции. Так отец оказался в ГРП – Группе рабочего проектирования Ленгидэпа в Красноярске на строительной площадке гидроэлектростанции, в Дивногорске.

В финансовой части я уговорил друзей выписать билеты окружным путем. Через Ригу, с остановками в Ленинграде и Горьком. В Ленинграде, я никогда не был, хотел побывать в Университете, в Горьком встретиться с друзьями, забрать оставшуюся гражданскую одежду, без которой не в чем будет ходить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.